Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

НИКАКОГО
РАСИЗМА
У НАС НЕТ!!!

Бор. Е. -74

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

КРОКОДИЛ

№ 34 ● ДЕКАБРЬ 1974

КУКРЫНИКСЫ-74

Лев: — Мне бы такую гриву!

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

Р. КИРЕЕВ, специальный корреспондент Крокодила

МАГИСТРАЛЬ

ПРОЛОГ, ЕСЛИ УГОДНО

Машинист Иван Кашко дал сигнал отправления и, переведя рукоятку реверса, стронул с места двенадцативагонный состав. Поезд № 5204 начал свое сорокашестикилометровое шествие в таежной августовской ночи. Спустя четыре часа он благополучно прибудет на конечную станцию Муртыгит.

Не ищите в пухлых справочниках поезда № 5204: его они еще объять не успели. Не шарьте взглядом по картам и каталогам: станция Муртыгит не попадется вам на глаза, поскольку лишь три вагончика с коптилками внутри да три палатки составляют сегодня ее материальную наличность. Не брюзжите на скорость, с какой ползет в наш ошалелый век этот удивительный состав: дышит и колеблется только-только уложенное железнодорожное полотно.

Скорость — от шести до десяти километров в час, а если двенадцать, то это уже лихачество.

Так мы едем. На площадке тепловоза стоит впередсмотрящим художник Евгений Шукаев, и сердце его, знаю я, преисполнено гордости: первый журналист, едущий ночью по зарождающейся трассе. Той самой, которую даже не склонные к вычурным выражениям люди именуют магистралью века.

Я тоже хочу туда, на переднюю площадку, но мы захватили из дому одно пальто на двоих, и потому я довольствуюсь кабиной.

Мой блуждающий взгляд натыкается в звездном небе на точку, что ползет медленней нашего поезда. Эпоха искусственных спутников... Светлячок костра не разглядишь с такой высоты, зато, когда вспыхнет день, можно воочию увидеть будущую магистраль, пока что прочерченную по планете робким пунктиром. Уникальный мост стремглав перемахивает на востоке через Амур, в то время как на западе разворачивается в молодом буйстве работ знаменитый, как его космический тезка, поселок Звездный. Две крайние точки, и так далеки они друг от друга, что даже с апогея орбиты не охватишь их единым взглядом. Три тысячи с гаком километров простерлись между ними. Три тысячи с гаком рек, речушек, ключей... Тайга и марь, болота, горные хребты, вечная мерзлота — да неужто будут соединены эти точки?

Но, может быть, взглянув с захватывающей дух высоты, ахнув и отдав должное, есть смысл спуститься на землю...

НА ДИКОМ БРЕГЕ

Первыми по трассе идут изыскатели, но как, кроме вертолета, попадете вы к ним? Это когда их сменят строители, протянется здесь временная автодорога. Это когда на место строителей придут эксплуатационники, побежит тут поезд по железнодорожному полотну, ложе для которого изыскали изыскатели. Ныне же их щедро разбросанные по тайге партии связывает с Большой землей лишь воздушный мост. Хрупко и прихотливо это сооружение. Две крупные экспедиции трудятся бок о бок — московская и ленинградская, две экспедиции со множеством партий, транспортный же вертолет МИ-4 всего один.

Втискиваемся в кабину, где бочки и ящики соседствуют с гирляндами новеньких кирзовых сапог. Сопровождающий груз юный бородач испепеляет скептическим взглядом мои городские штиблеты. Но мне везет: летящие вместе с нами кирзовые сапоги предназначены для той самой партии Владимира Рыбака, куда мы напросились в гости. Благословленный экспедитором, я переобуваюсь в воздухе.

Сделав полукруг над излучиной Малого Гилюя, вертолет грузно ткнулся в сколоченный из бревен четырехугольный настил — единственный твердый пятачок на огромном пространстве упругой и сырой, как губка, мари. Через три года здесь, лязгая буферами и механически голося, раскинется станция. Я силюсь представить себе это, но фантазия моя буксует. Попробовав ногой почву, по щиколотку погружаюсь в нашу поразительную планету. Многотонные же составы будут стоять здесь твердо и с изяществом, как девушки на паркете. Это вам, читатель, исходные данные, а уж вы сами прикиньте, сколь грандиозная битва разыграется только на одной этой излучине Малого Гилюя. Пока же здесь кипит иное сражение.

— Станция не вписывается,— вздыхает начальник партии Владимир Семенович Рыбак.— Вторые сутки воюем.

Оружие? Циркуль и логарифмическая линейка, листы ватмана и арифмометр. Итак, тихая битва на бумаге с ландшафтом и профилем, но без нее немыслима та, другая, подземный гул которой пойдет далеко окрест.

В авральном порядке создавая Землю, безответственный господь не приспособил ее для железных дорог. Оврагами и руслами рек испещрил, холмами вздыбил, перетасовал, как в торте «Сюрприз», геологические слои. И все это должен учесть педант-изыскатель. С крохоборской расчетливостью прокладывает он маршрут будущего полотна. Минует мало лет, и поезд звонко преодолеет за академический час расстояние, которое партии Рыбака штурмовать полгода.

Рабочий день партии спрессован до предела. Этому пусть послужит элегантным доказательством то, что грибы, собранные художником в окрестностях аэропорта, нам приходится готовить самим. Шукаев принялся тотчас чистить их, меня же мобилизовали на добычу огня. Спрятав блокнот, я поплелся к переносной металлической плите. Я совал под дрова бумагу, бережно устилал днище сухим и шершавым мхом, став на четвереньки, дул с такой мощью, что реактивная сила толкала меня обратно. Тщетно! Своими бурными действиями я, по-видимому, мешал работе, которая клокотала в «камералке» (головной палатке). Из-за самодельного кульмана поднялась инженер-изыскатель Наташа Борисовская, приблизилась к плите и

Наташа БОРИСОВСКАЯ.

грациозно проманипулировала над ней своими наманикюренными пальцами. Плита вздрогнула и загудела. Я сделал вид, что любуюсь пейзажем.

После ужина коллектив, естественно, потянуло на культмероприятия. Старший инженер Альберт Артюнин принес теодолит и направил его в кишащее звездами небо. Славно все-таки, что Земля не одинока в мироздании, а то чем бы развлекались в долгие вечерние часы изыскатели? Правда, был прецедент, что привезли кино, показали строго документальную ленту о методах механического поения скота, но дальнейшего развития почин не получил.

— Пришлите книг! — канючат первопроходцы.— Каждый купит по одной-две — и будет библиотека.

Наивные люди! А подписку на Теккерея вы не хотите?

...Но вот затихает лагерь. Догорают последние поленца в кострах у палаток, закручены последние бигуди, вырезана из бересты последняя фигурка эвенком Михаилом Максимовичем, двадцати лет от роду. Завтра — на трассу.

ВО ГЛУБИНУ СИБИРСКИХ РУД

Водитель Николай Брилус завел нафаршированный изыскателями вездеход, и мы тронулись. Колея проложена, но искушенный в тонкостях геологии Николай Брилус ловко уклоняется от нее, предпочитая форсировать овраг или подмять под себя лиственницу, нежели с комфортом прокатить по старому следу. Раз прокатишься, два — и напрочь сотрется моховой слой, обнажив вечную мерзлоту. Это беда. Лишенный теплоизоляции, оттаивать начнет грунт. Сперва ручеек побежит, затем образуется озерко, именуемое зловещим словом «термокарст»,— как тогда прикажете класть дорогу?

Выпрыгивают из вездехода молодожены Кумины, на коих возложен контрольный замер, затем — тройка, предводимая техником Раисой Супруненко. С изнеженными приборами зашагают они по трассе, ориентируясь... На что бы вы думали? На Балтийское море. Именно относительно Балтики определяется высота каждой точки будущей Магистрали.

Мы остаемся в звене Наташи Борисовской, заарканенные теодолитом, который позволил нам вчера запанибрата поговорить со звездами. Эвенк Михаил Максимович, двадцати лет от роду, бежит пятидесятиметровку, вбивает там колышек, в колышек — гвоздь, а на этот самый гвоздь техник Ирина Куликова наводит свою астрономическую штуку. Наш художник, схватив момент, делает к ней шаг с фломастером наготове, и тотчас обе девушки крест-накрест перечеркивают его взглядами. Столь утонченна, оказывается, нервная система этого прибора, что если в метре от него прихлопнуть комара, то это может пагубно отразиться на Байкало-Амурской магистрали. Мы замираем. Нас с аппетитом ест мошка, от которой наука еще не изобрела средства, но мы терпим, высокосознательные.

Засеки на деревьях, контрольные надписи и пикеты через каждые сто метров сторожат трассу, отмечая малейший ее изгиб. Но, как стадо слонов, ворвутся сюда многомощные машины строителей, и кто тогда поручится за незастрахованную жизнь карликового пикета? Предвидя это, осуществляют изыскатели закрепление трассы. Чуть в сторону она, и они жестко фиксируют это место относительно, скажем, шляпки гвоздя, что расположен от будущей насыпи в безопасном отдалении.

Наступая на пятки и в затылок дыша, тащатся за изыскателями геологи. Мы благополучно прорвались на вездеходе в их лагерь на реке Змейка. Инженер Доставалов, отгородившись от солнца белым экраном, производил дешифровку аэросъемки. В Москве следовало бы закончить ее, но снимки дали в последний момент перед отправкой экспедиции, и потому приходится, оттолкнув полевые работы, барахтаться в омуте кабинетных трудов.

Старший инженер Альберт АРТЮНИН на досуге.

Напоив нас чаем, от крепости которого перехватывало дух, капитан геологов Людмила Георгиевна Лаврищева гостеприимно предложила осмотреть буровые установки. Мы с готовностью ринулись в путь.

Сразу за лагерем начиналась, уходя в бесконечность, роскошная марь. Что-то хлюпнуло за моей спиной, я обернулся и увидел, что левая нога художника со смаком погрязла в веселой жиже.

— Кажется,— сказал он,— я достиг вечной мерзлоты.

Нашарив правой ногой кочку с кустом изумительной голубики, художник принялся освобождать левую, и она со свистом вырвалась на волю, но без сапога.

С кислой миной двинулся я на помощь. Предчувствие не обмануло меня: мой правый сапог, вкусно хлюпнув, тоже остался в мари.

Спасая наше мужское достоинство, капитан геологов гуманно отвернулась. Мы же теперь досконально уразумели, что такое вездеход в тайге. Великой солидарности были преисполнены мы, думая об изыскателях, что стояли лагерем на реке Магот у своих прочно заглохших без запчастей вездеходов. Нас измордовали два километра мари, они же форсируют что ни день пять с утра и пять вечером и притом, заметьте, не голубикой балуются в интервале между марш-бросками, а прокладывают трассу.

Но вот мы у буровой установки, что работает под началом очаровательного инженера-геолога Вали Тимофеевой.

— Мороженого не хотите? — спрашивает она.

— Издеваетесь? — говорим мы, облизываясь.

— Нисколько.

Бур вгрызается в землю и извлекает ровный и круглый, как эскимо, кусок льда, на геологическом языке именуемый керном. Что прославленный московский пломбир по сравнению с этим посланцем вечной мерзлоты! Миллион лет пролежал он в земле, прежде чем его коснулись наши исполненные благоговения языки.

А вот работающий неподалеку коллега Вали Тимофеевой Евгений Корявов побаловать нас «мороженым» не смог: громоздкий и тяжелый БУКС — буровой ударно-канатный станок на колесах — плохо преодолевает вечную мерзлоту.

Отечественная индустрия все еще не подарила первопроходцам Магистрали станка, который, будучи мобильным и легким, не боялся бы ни мерзлоты, ни мари. Мы верим в нашу индустрию — и не такое выдавала она,— но надобен ей долговременный разгон в отличие, скажем, от свердловского умельца Л. С. Кулакова, который такой станок уже создал. Крупно повезло ленинградским изыскателям: они заполучили умельца вместе с его машиной, апробировали, ахнули и мобилизовали мастера на создание второй такой же, в то время как первая благополучно дырявит землю на требуемую глубину. Нипочем ей ни марь, ни вечная мерзлота, весит же она всего два пуда. Не перевелись Левши на русской земле!

Между тем жестко заклинило на 78-м километре укладку железнодорожного полотна: с разгону уперлись строители в выемку, объем работ которой на семьдесят тысяч кубов превысил рассчитанный первопроходцами трассы. Многодневная заминка, простой рабочей силы и техники, срыв графика... Но не подымается рука метать в геологов сатирические стрелы.

...За день люди Людмилы Лаврищевой продвинулись по трассе на четыреста метров. Я поймал себя на мысли, что опять подсчитываю, за сколько секунд пролетит это расстояние поезд. Но дабы эти секунды стали реальностью, между сегодняшними изыскателями и завтрашними эксплуатационниками должны пройти люди, которых именуют строителями.

Мы — к ним.

Леонид КУЛАКОВ.

СТОЛИЧНАЯ ХРОНИКА

Возьмите карту, читатель, слева найдите священный Байкал, справа — Амур-батюшку и ткните посередине пальцем. Наверняка угодите в поселок Тындинский, столицу БАМа, будущую крупную узловую станцию Тында, откуда, грянет срок, во все четыре стороны света побегут тепловозы.

Вглядевшись в хилую точку и тощий шрифт, каким означена «столица», усмехнетесь скептически: не чересчур ли нахраписта гипербола? Не чересчур! Такова просто участь картографов — плестись в хвосте, ибо как угнаться за нашим быстротекущим временем?

Бурные последние месяцы начисто лишили Тындинский дремотного духа былой периферийности. Здесь людно. И где еще, как не в столице, увидите вы столько прессы? Грозной цепью прочесывает она местность, вооруженная фотоаппаратами и карандашами, фломастерами и кинокамерами. Самому изощренному конспиратору не укрыться от нее.

— Здравствуйте,— сказали мы.— Мы корреспонденты.— И знаете, какое глухое отчаяние заклубилось в глазах хозяина кабинета. Девятыми были мы с утра, а рабочий день еще плавал в зените.

— Корреспонденты? — переспросил заместитель начальника строительно-монтажного поезда № 544 Л. В. Новиков.— Минутку.— И, взяв в руки кирпич, стал крошить его, как ванильную халву высшего качества.

Дух Крокодила ожил и заговорил в нас.

— Кто поставляет? — спросили мы, готовя ручки.

Леонид Васильевич с шумом перевел дыхание.

— Наконец-то,— произнес он.— Семнадцатый кирпич извожу на глазах у прессы, а ведь я, извольте видеть, не Леонид Жаботинский, а рядовой московский интеллигент и даже не всегда махаю по утрам гантелями. Но хоть бы один поинтересовался родословной этого материала. Я им: «Как можно строить из этого?» А они мне: «Что вы думаете о романтике здешних мест?» Я им: «У нас скверный железобетон». А они мне: «Вас воодушевляет масштаб стройки?» Какого дьявола, простите, я бы приперся сюда из Москвы, если б не воодушевлял? Пишите крупно, не боясь принизить БАМ: Вашаевский кирпичный завод Амурской области.— И Леонид Васильевич кивнул на останки расщепленного кирпича.

Но потянем дальше аналогию. Где еще, как не на ослепительном столичном небосклоне, увидите вы зараз такое созвездие театрально-концертных имен? Не успела отпеть Галина Ненашева, а уже прошелестел по тайге слух, что торопится сюда сам Муслим Магомаев.

А вот по числу лекций на душу населения БАМ наверняка Москву опережает. В отдельные будни концентрация их столь высока, что ощущается дефицит слушателей. В клубе лохматый человек популярно излагает драматическую историю корневой рифмы на Руси, бухгалтерия мобилизована на лекцию о преимуществах кормового траления над бортовым, плановый же отдел в полном составе брошен на трансплантацию живых тканей. На улице вас хватает за рукав дама в сером и спрашивает: «Не согласитесь ли вы выслушать кое-что о методах профилактики малярии в странах Балканского полуострова?» Шесть лекций надобно ей прочесть, а у нее в активе только пять, втирать же очки она, знаете, не привыкла.

Что осталось нынче от старой Тынды? Река, давшая поселку название, россыпи ягод на новых улицах да система транспортной связи с внешним миром. Как в былые тихие времена, лишь три рейсовых автобуса отправля-

Поселок Аносовский. Обеденный перерыв.

МАГИСТРАЛЬ

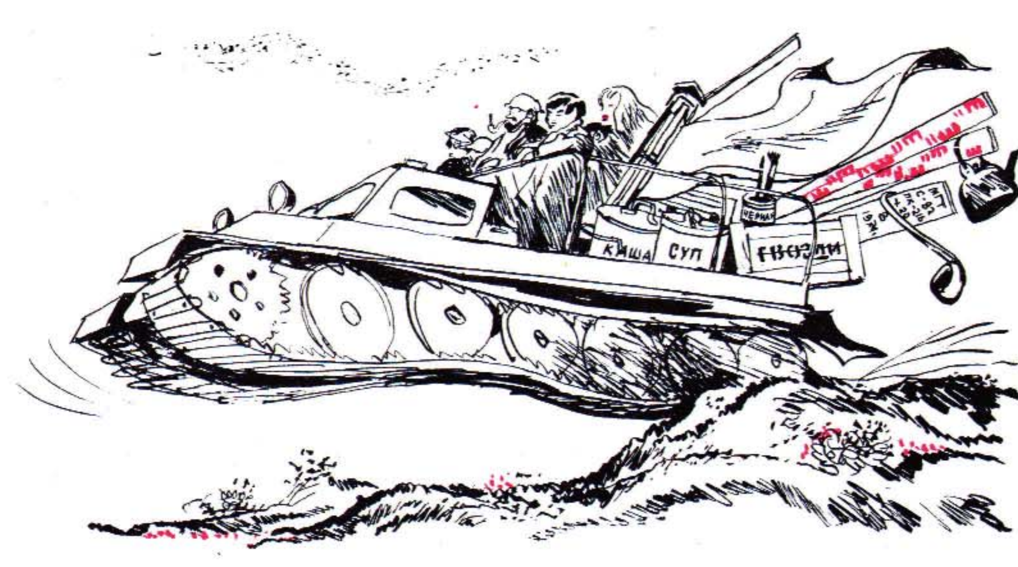
ются в Тындинский со станции Большой Невер. Стоит подумать о ночлеге. Я посетил белый домик с ласкающим глаз словом «Гостиница».

— Я бы хотел...— начал я с подобострастием, но женщина в белом халате крикнула охрипшим голосом:

— Мест нету!

— Послушайте...

— Нету мест! Нет, не было и не будет. Мы принимаем лишь тех, кому на Алдан.— Прижав к груди охапку белья, она двинулась на меня танком.

В поле!

— Но как быть тем, кому на Тынду? — пискнул я, пятясь.— Люди со всего Союза едут.

Свой монолог я закончил на улице. Меня тронули за плечо.

— Места есть? — спросили двое.

— Узнайте сами,— ответил я, кивая на дверь, и нехорошо захихикал.

Подкатил автобус. Внесенный внутрь, я, изловчившись, сунул в карман руку за платком, чтобы отереть пот, и благополучно вынул его спустя шесть часов. Мы были в Тындинском.

У деревянного домика гостиницы, что живописно утопала в зарослях черной смородины, я поймал за руку выходящего человека.

— Места есть?

— Узнайте сами,— ответил человек и нехорошо захихикал. Колесо истории свершило свой оборот.

Прекрасны ночи в Приамурье! Падают звезды, журчит река, потрескивает костер на берегу, а вокруг сидят люди, полные энтузиазма и веры в жизнь. Что в таких условиях ночлег под открытым небом!

— Энтузиазм, как и все на свете, можно планировать на местах,— сказал мне наутро начальник головного ремонтно-восстановительного поезда № 28 Александр Николаевич Труфанов.

И это не было наитием. Четыреста молодых душ обрушились на него вместе с весенним паводком — нежданно и бурно, как наводнение. Токари и портные, вагоновожатые и чертежницы, штурманы каботажного плавания и специалисты по ремонту лифтов... При всем разнообразии работ на БАМе как использовать этих людей по специальности?

Великое дело рождает великий энтузиазм, но пусть не стихийным будет он, а направленным и оптимальным. Чтобы не был вынужден начальник строительно-монтажного поезда П. П. Сахно отдавать вертолетчикам приказ: ни одного нового человека без моего разрешения в Звездный не перебрасывать, поскольку кадрами поезд укомплектован полностью. Но не на вертолетной же площадке должны узнавать об этом люди, декаду добиравшиеся сюда из Закарпатья, и не на берегу Тынды у ночного костра...

БАМ БОЛЬШОЙ И БАМ МАЛЕНЬКИЙ

Название этой станции столь лаконично, что глаз схватывает его даже из вагона скорого поезда: Бам. Случайное совпадение? Или сверхоперативные железнодорожники поспешили запечатлеть знаменитое название строящейся Магистрали?

Ни то, ни другое. Десятилетиями вынашивалась зачатая в давние времена идея построить параллельно транссибирскому северный железнодорожный путь. Начали изыскания, проложили первые километры, но грянула война, и осталась от прежнего БАМа лишь мечта о позарез необходимой стране транспортной артерии да крохотная станция.

«Скорые» стремглав проносятся мимо, но пассажиры у окон успевают прочесть слово из трех букв, и глаза многих из них загораются жадно и завистливо. Почему? Чего вдруг не хватает гражданам, комфортабельно попивающим в купе кефир или таежное пиво? Западает в память короткое слово, томит, свербит, и, не выдержав, возвращаются сюда бывшие обитатели «скорого» на негордом почтово-багажном, что уж, будьте уверены, не прошмыгнет мимо самого захудалого полустанка. Велик спрос на романтику в наш осененный коммунальными услугами век!

Здесь часто можно услышать справедливые в общем-то слова: раз, мол, приехали на БАМ, то миритесь с неудобствами. Но изобретательная природа с лихвой обеспечила строителей трудностями — так зачем создавать их еще искусственно? Не обидится романтик, не плюнет и не укатит домой, если выстроят в поселке добротную баню, дабы не мотаться каждый раз на машине в соседнюю Тахтамыгду. Рискнем предположить даже, что не разочаруется юный любитель странствий и свежих ветров, если накормят его в рабочей столовке не слипшимися котлетами, а натуральным бифштексом.

Одержимые этой идеей, направляемся в общепит. У столовой, которая, если верить расписанию, должна была открыться еще полчаса назад, шебуршит очередь. Пытаемся проникнуть с черного хода, но дорогу преграждает девушка с половником.

— Я не желаю отвечать за вас! — говорит она с отчаянием.— Понимаете, не желаю. Вова, скажи им.

Выныривает Вова. На голове у него повязано подобно чалме вафельное полотенце.

— Не желаем,— печально подтверждает он.

— Если я накормлю вас недоваренными щами и вы после каждые пять минут будете бегать в тайгу, то отвечать за это буду я.

— Она,— печально подтверждает Вова.— Она старший повар, и зовут ее Валей Рощиной.

— Ступайте, Валя и Вова,— говорим мы,— и доварите щи. А интервью у вас мы возьмем после. Там люди ждут.

— Не можем мы доварить щи,— всхлипывают Валя и Вова.— У нас света нет. Только закипело, как его выключили. Морковка хрустит, будто с грядки.

— И часто у вас так?

— Регулярно. На прошлой неделе полцентнера мяса испортилось в холодильнике. Из своего кармана придется платить.

Нам было жаль полцентнера мяса и пролетарских карманов Вали и Вовы, но все же мы попытались выяснить, почему, например, у них слипаются котлеты. Оказалось, нет панировочных сухарей. Пробовали производить их собственными силами — сушить хлеб, а потом толочь его, но тут выяснилось, что собственные силы в еще большем дефиците, нежели сухари. Ни раздатчицы, ни уборщицы в столовой нет, зато который уж день вволю текут краны — каждые четверть часа приходится выволакивать полные ведра.

Все премудрости кулинарии постигли в Донецком техникуме общепита Валя Рощина и Вова Маркин. Грезили: на руках будут носить их строители БАМа, ибо где еще отведают они риса по-мексикански, украинских вареников или гофеи пиаука — тушеную рыбу по-гречески? Но торпедировали мечту нерасторопные снабженцы. Даже Александр Дюма-отец, великий кулинар, он же писатель, не приготовил бы риса по-мексикански, не будь у него риса обыкновенного. А у Вали и Вовы его нет — равно как сметаны, равно как рыбы свежемороженой, равно как поварского колпака, компенсируя который повар Маркин вынужден очалмовывать голову вафельным полотенцем.

Хлеб да песни — что еще надобно истинному романтику? О хлебе мы поговорили достаточно, теперь о песнях. В отличие от столицы Магистрали Тынды поселки Аносовский и Бам не обласканы звездами. Зато одновременно с нами гостили здесь студенты московского ГИТИСа. Меньше полутора часов длился их концерт, но билет стоил больше полутора рублей.

А в общем, везет тутошним местам на московских студентов. Прочно и долговременно оккупировали трассу Бам—Тында строительные отряды Института инженеров железнодорожного транспорта. Они тоже усугубляют природную романтику, но делают это по-своему. В то время как дневальный угощал нас неостывшим киселем из голубики, комиссар отряда имени Лазо устанавливал стол для пинг-понга. Где и в результате каких сложных интриг раздобыл он его — осталось тайной.

ЭПИЛОГ, В КОТОРОМ МЫ ВСЕ ЖЕ НЕ ПРОЩАЕМСЯ С ЧИТАТЕЛЕМ

Машинист Иван Кашко дал сигнал отправления и, переведя реверсную рукоятку, стронул с места двенадцативагонный состав. Поезд № 5204 отошел от станции Бам. Он прокатил по серебряному звену — первое звено в Байкало-Амурской магистрали — и устремился на север к не обозначенной на картах станции Муртыгит... Вспоминаете, читатель: именно так начали мы наше длинное путешествие.

Пока что лишь по ночам выполняет дорога то, ради чего и рождается на свет: несет поезда. Днем здесь кипит работа. Укрепляют, насыпают, выверяют с тем, чтобы ночью хоть на крохотном участке увеличить скорость. Метр за метром отвоевывают у пространства, секунду за секундой — у времени, и так от Байкала до Амура, от пешеходных темпов, какими мы тянемся сейчас, до наисовременнейших скоростей. «Гений — это терпение»,— сказал классик, но он был не точен. Терпение — это железнодорожный строитель.

Во втором часу ночи подкрадываемся к станции. Светофора, естественно, нет, но подымается в кабину дежурная, вручает билет-проводник — въезд разрешен. Поезд № 5204 прибывает на конечный пункт.

Локомотивная бригада отправится сейчас на другом тепловозе в обратный путь, таща порожняк, а нам коротать время до утра. О ночлеге не заикаемся, ибо знаем, как остра на станции Муртыгит жилищная проблема. Машинист Иван Кашко великодушно разрешает остаться до утра в тепловозе. Мы чинно киваем и, едва он уходит, брякаемся на пол, на то самое, одно на двоих пальто. И тотчас наступает утро...

К началу этого занимающегося дня на север от Муртыгита было проложено всего три десятка километров. Пять часов преодолевали мы их. И вот — стоп, дальше покамест пути нет. К концу подошло наше длинное путешествие, но мы не прощаемся с вами, терпеливый читатель, а торжественно обещаем:

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Правда, появится оно не скоро — в одном из номеров журнала будущего десятилетия. Сев в поезд у Байкала, с ветерком прокатимся до амурского берега — по Магистрали, которую даже со спутника не охватить взглядом.

Художник Шукаев, уверен я, опять запасется теплым пальто, чтобы вылезти на переднюю площадку. Напрасно: кто пустит его? Слишком велика будет скорость.

БАМ.

Людей и пейзажи рисовал специальный корреспондент Крокодила Е. ШУКАЕВ.

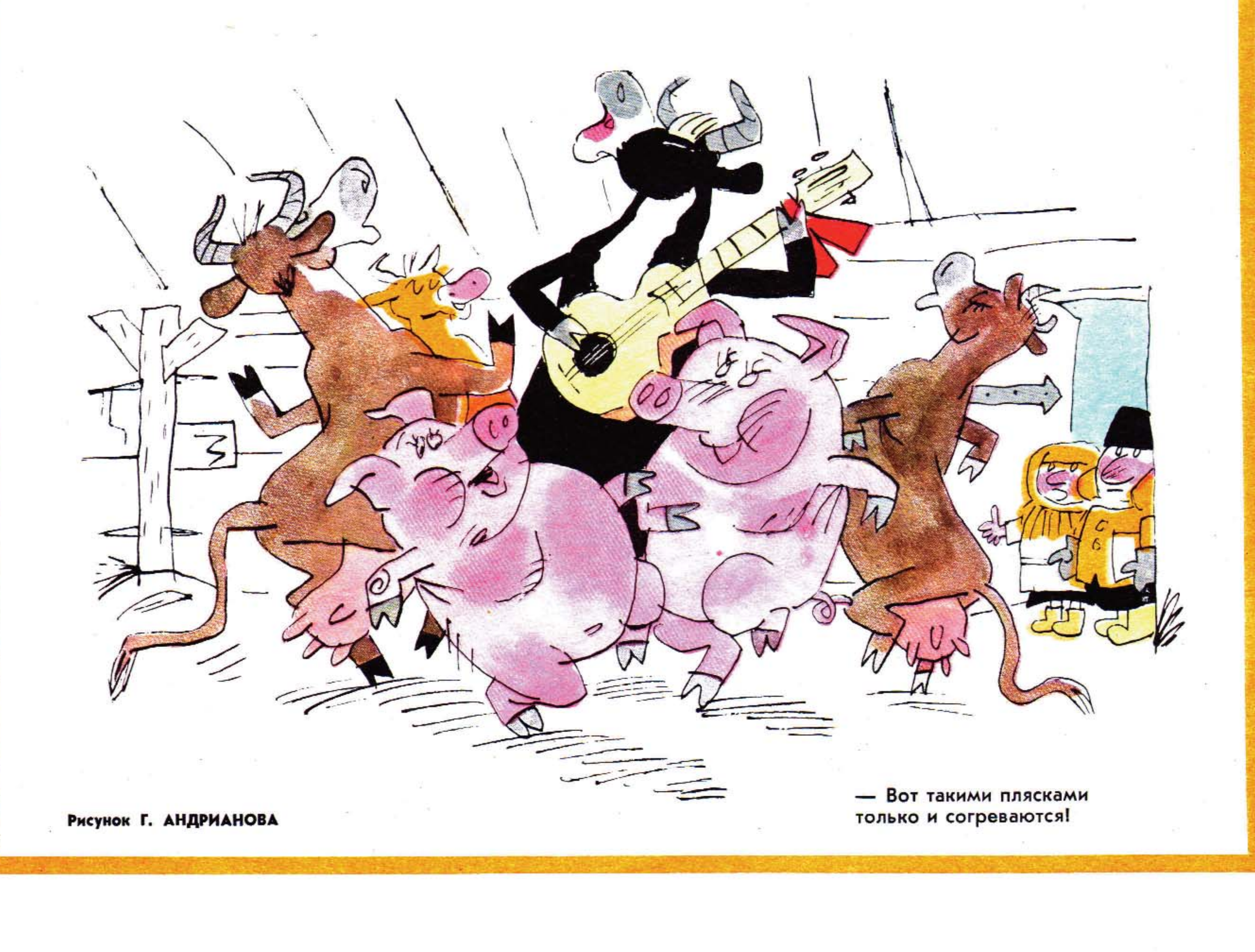

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— Вот такими плясками только и согреваются!

Максим РОМАНОВ

Новички

Непьющие оба —
и Вася и Петя,
но встречу
положено
как-то отметить.
И оба глядят
на пол-литра с тоской:
нельзя отказаться —
обычай такой.
Отставишь стакан,
а приятель что скажет!
И давится Вася,
чтоб Петю уважить.
А Петю
воротит
почище того,
да надо дружка
ублажить своего.
Такое
друг другу
явив
уваженье,
непьющие
оба
лежат без движенья.
А пьяница
их утешает:
— Пустяк!
И я начинал
приблизительно так!

г. Ленинград.

ДОБРОЖЕЛАТЕЛИ

В редакцию приходят анонимные письма. Надоели они всем ужасно, потому что факты, как правило, не подтверждаются. Но писать фельетон на анонима — это значит вызвать огонь на себя. И поэтому я решил написать не фельетон, а тоже как бы анонимку.

На учительницу школы рабочей молодежи № 14 Н. А. Иванову стали поступать анонимки в разные организации. Якобы она много лет в частном порядке занимается репетиторством, готовит учащихся в вузы. К ней будто бы ходит не менее 15 человек. Она-де за взятки проталкивает своих питомцев в вузы. Мол, заработок ее составляет в месяц около семисот рублей. Иванова деньги на сберкнижку не кладет, покупает «золотой займ». Место ей — на скамье подсудимых.

Подписей под заявлением, разумеется, не было. Говорят, анонимщик — это собака, которая кусает впотьмах. Милиция сыграла тревогу и стала ловить преступницу. Но не поймала. Ее не было. Все оказалось поклепом. Злым вымыслом от начала до конца. Иванова — хороший педагог, честный человек. Отличник народного просвещения, заместитель секретаря партийной организации школы.

Итак, преступницы не оказалось. Зато удалось найти автора заявлений, скромно прятавшегося в тени. Хотя сочинители анонимок больше всего боятся известности, все же обнародуем имя. Автором оказался милейший человек, коллега по школе, преподаватель истории М. Н. Данилевский. Тоже член партии. Под напором улик он сделал нижеследующее заявление:

«Предъявленные мне милицией анонимные заявления писал я. Печатала их с моих рукописей знакомая женщина, имени которой по личным соображениям назвать не могу. Факты не подтверждаю. Я слышал их с чужих слов. Прошу указанные анонимные письма, написанные мною, в дальнейшем не проверять. Больше их писать на гражданку Иванову не буду».

Я спросил у Данилевского:

— Зачем вы это сочинили?

Оказывается, у них испортились отношения. И Данилевский решил досадить человеку анонимками.

А вот другой аноним, шофер Зотов. Он написал столько заявлений, что их хватит на толстую книгу. В отличие от Данилевского подписывается под своими шедеврами. Но чужими фамилиями. Поссорившись с собственной женой, накатал на нее заявления в прокуратуру, милицию, районную газету и еще кое-куда. Выдавал себя за поборника справедливости и единственного защитника истины. Он писал, что его бывшая половина, работница магазина, занимается спекуляцией. Нечиста на руку. Сама ворует и других заставляет. По ней плачет скамья подсудимых. И стояли под заявлениями подписи: Казанцева, Линькова, Огнетрубова.

Милиция тщательно проверила. Факты не подтвердились. Выяснилось также, что указанные «авторы» к этому грязному делу не имеют никакого отношения, что это работа любителя эпистолярного жанра шофера Зотова. Наступило время, когда в милиции его спросили:

— Вы?

— Я. Больше не буду. Ей-богу.

Он был готов, как Гоголь, сжечь свои произведения, но ему не дали.

Кляузник думает: прикроюсь маской, и мне сойдет любая ложь. И, как ни странно, сходит с рук. Ведь не пристыдили педагога М. Н. Данилевского в школе № 14. Не занялись как следует шофером-сочинителем в поселке Нововоронежском. Можно упрекнуть и пострадавших. Почему они не подают в суд за клевету, хотя имеют на это право? Но отчасти я их понимаю: свяжись с нечистоплотным человеком — сам испачкаешься.

Поэтому-то я и пишу нынче не фельетон, а скорее тоже анонимку, хотя все здесь правда и только правда... Нет, пожалуй, надо как-нибудь подписаться. Для достоверности. Поставим какую-нибудь обычную фамилию. Хотя бы вот эту:

В. КОТЕНКО.

г. Воронеж.

— Начальник доротдела едет!

Рисунок В. ШКАРБАНА

ОТ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ. К числу исконных развлечений русского народа, а также народов многих братских республик относится баня — и как средство личной гигиены граждан и как проявление национального характера. Накопилось уже много вопросов и проблем, связанных с процессом омовения. Поэтому мы пригласили за круглый стол нашей газеты двух видных специалистов в данном вопросе. Доктор бальнеологических наук В. С. Аблибезевский и профессиональный банщик — старейший работник Плющевских районных бань П. Т. Фарофонов в двухчасовом диалоге коснулись многих аспектов проблемы. С небольшими сокращениями излагаем ниже точки зрения обоих диспутантов.

Пародия

ЛЕГКОГО ВАМ ПАРА, ДРУЗЬЯ!

В. С. Аблибезевский. Дорогой Пантелеймон Терентьевич! Мы с вами старые друзья. Вот уже более сорока лет я навещаю Плющевские бани, в которых вы трудитесь, спокойно ложусь на мраморную скамью мыльного отделения и отдаю вам мое тело для того, чтобы вы своими опытными, натруженными руками не только мыли меня, но и производили при этом некий массаж, который, вызывая повышенное кровообращение, приносит — во всяком случае, приносил доселе — пользу моему не столь уж молодому организму.

П. Т. Фарофонов. А как же!

В. С. Аблибезевский. Великий реформатор театра К. С. Станиславский сказал когда-то: «Театр начинается с вешалки». Полагаю, мы имеем право перефразировать это изречение: «Баня начинается с предбанника».

П. Т. Фарофонов. Ну, безусловно.

В. С. Аблибезевский. Да, от удобства в размещении посетителей зависит многое. Теснота и неопрятность сводят на нет всю пользу бани.

П. Т. Фарофонов. Ну, так ведь...

В. С. Аблибезевский. Да, если скамьи прикрыты чистыми простынями, а эти работники, которые обслуживают посетителей... кстати, как их называют?

П. Т. Фарофонов. Пространщики.

В. С. Аблибезевский. Вот именно! Если они услужливы, больше и желать нечего. Но давайте пройдем с вами в мыльное отделение. Не зря же такие замечательные люди, как Петр I, Суворов, Пушкин, Лев Толстой, Чапаев и ряд других товарищей, любили нашу баню.

П. Т. Фарофонов. А как же!

В. С. Аблибезевский. Вот лично вы — что вы испытываете, Пантелеймон Терентьевич, когда в шайке уже образовалась горячая мыльная пена и вам надлежит начинать омовение того или другого гражданина? Не охватывает ли вас трепет?

П. Т. Фарофонов. А как же!

В. С. Аблибезевский. А вы приговариваете что-нибудь, пока трете клиента горячей мочалкою?

П. Т. Фарофонов: А как же! Я говорю: «Повернись на левый бочок», «Ляг на спину»...

В. С. Аблибезевский. Нет, это просто деловые указания. А я имею в виду чисто эмоциональные возгласы, обусловленные, так сказать, той взволнованностью, которая, несомненно, охватывает вас в эти минуты апогея вашей трудовой деятельности...

П. Т. Фарофонов. Это чего?

В. С. Аблибезевский. Ну, не издаете ли вы лихих, я бы даже сказал, кучерских или даже ямщицких возгласов типа «эй, берегись!» или «ух ты!», «теперь держись, брат!» и так далее?

П. Т. Фарофонов. А как же!

В. С. Аблибезевский. Ну, вот видите... Но вот уже смыта мыльная пена с моющегося... Мы переходим в парное отделение... Ведь переходим?

П. Т. Фарофонов. А куда ж деваться?

В. С. Аблибезевский. Ну, вот видите. Что характерно для парного отделения?

П. Т. Фарофонов. Пар. А что же еще?

В. С. Аблибезевский. Пар — это само собою. Но важно еще неповторимое ощущение физической свободы человека, который уже в мыльной освободился от всех пут цивилизации в виде той же одежды и других условностей, а тут, в парной, вдыхая насыщенный влагою терпкий воздух, испытывает такое наслаждение, что ему кажется, будто он вот сейчас полетит...

П. Т. Фарофонов. А как же! И летают. Вон на той неделе у нас один посетитель был выпимши, так он так полетел с полка вниз — будь здоров! Все шашнадцать ступенек пересчитал затылком...

В. С. Аблибезевский. Нет, вы меня не поняли, уважаемый Пантелеймон Терентьевич. Я не в том смысле, что полетел вниз со ступеней, а исключительно в том, что взыграл духом.

П. Т. Фарофонов. Дух у нас в парной из-за веников. Если свежий березовый веник, или еще некоторые мяту любят...

В. С. Аблибезевский. Да, да, это все так... Однако перейдемте к социальной стороне банного дела. Вам известно, что на душу населения по баням мы занимаем второе место в мире после Финляндии?

П. Т. Фарофонов. Откуда же?

В. С. Аблибезевский. Ну, так примите к сведению. Но эти цифры не отражают наличия индивидуальных бань. Загляни к колхознику там или владельцу дачи — к нему на участок. Что ты увидишь? Ее. Баньку. Иной раз она топится по-черному, но топится же!

П. Т. Фарофонов. Так если ж ее затопили, куда ей деться?

В. С. Аблибезевский. Именно! Правда, при индивидуальной бане где-нибудь там на огороде или во дворе нет тех точек обслуживания, какие мы наблюдаем в культурной городской бане: парикмахерской там, киоска с пивом и другими товарами, мастерской мелкого ремонта...

П. Т. Фарофонов. А их и в городе не всюду найдешь.

В. С. Аблибезевский. Но, согласитесь, мы должны иметь в виду, так сказать, идеальную картину отрасли...

П. Т. Фарофонов. Идеальная картина тебя не побреет. И штаны тебе не отутюжит.

В. С. Аблибезевский. Это так. Но мы еще не коснулись чисто социального аспекта. Вы прекрасно знаете, что только теперь наша баня стала целиком и полностью доступной широким массам трудящихся. А раньше эта шайка была в распоряжении шайки эксплуататоров.

П. Т. Фарофонов. Буде врать! И раньше были бани дворянские, купеческие и для народа. Ну, я пошел...

В. С. Аблибезевский. Куда же вы, Пантелеймон Терентьевич?! Мы еще не коснулись ни финской, ни турецкой, ни древнеримской бани...

П. Т. Фарофонов. А надоел ты мне...

На этом диалог закончился.

Запись вел В. АРДОВ.

В НАШЕМ ЦЕХЕ

Вышел в свет очередной альбом серии «Мастера советской карикатуры», издаваемой «Советским художником». На этот раз он содержит творческие работы крокодильского автора Бориса САВКОВА, чьи веселые рисунки давно уже по достоинству оценены читателями журнала.

«Джентльмены удачи» — так называется сборник фельетонов и памфлетов В. НИКОЛАЕВА, изданный Военным издательством.

В предисловии автор пишет о том, что в США есть «весьма могущественные и влиятельные круги, которые выступают против разрядки международной напряженности, против налаживания добрососедских отношений между США и СССР... О них, вернее, против них и написана эта книга».

Посетили родителей. Рисунок Б. САВКОВА

Наум ЛАБКОВСКИЙ

Рассказ

Кафе «ЧИСТЫЙ ВЕС»

Недавно мне в голову пришла ценная идея: как в точках общественного питания ликвидировать обсчет, обвес и чаевые. Суть ее состояла в следующем:

каждый посетитель кафе предварительно сдает в гардероб пальто, шляпу, портфель и авоську;

после этого он проходит процедуру взвешивания на сверхточных аптекарских весах;

результат взвешивания заносится посетителю на ладонь специальными, трудно смываемыми чернилами;

затем взвешенный поступает в зал, где в широком ассортименте его ожидают разнообразные закуски: яйца, салаты, булочки, масло, ветчина, творог, сметана, кефир, ацидофилин, ряженка, йогурт, можайское молоко, кофе «Здоровье»;

закончив процедуру принятия пищи, клиент возвращается на докторские весы для повторного взвешивания;

обнаруженная разница в весе оплачивается клиентом в кассе из расчета средней стоимости продукта от одного до пяти рублей за килограмм.

Прогрессивный метод расчета исключал какую-либо возможность злоупотреблений со стороны обслуживающего персонала. Новое кафе сразу завоевало популярность.

Однако вскоре стала обнаруживаться недостача в кассе. Какой-то клиент злоупотреблял доверием. Бутылки с кисломолочным продуктом он приносил с собой в карманах. Основательно закусив из ассортимента кафе, он выпивал свой кефир, а пустые бутылки подбрасывал под стол.

Повторное взвешивание, само собой, фиксировало общий вес клиента за вычетом веса двух бутылок из-под кефира. Таким образом, самая изысканная пища обходилась ловкачу почти что даром, а кафе терпело убыток.

Кафе «Чистый вес» спасла от краха Варвара Степановна. Мы переманили ее из соседнего магазина самообслуживания, где она работала специалистом по досмотру покупателей.

Теперь не то что бутылку с кефиром—ириску никто в наше кафе не пронесет...

КРОКОДИЛ ПОМОГ

ЧЕМ КОНЧАЕТСЯ ВОЛОКИТА

Читатели тт. Хадисов, Ахмедов и др. (г. Хасавюрт) и Г. Антонова (г. Балашов) пожаловались «Крокодилу» на волокиту. Их письма редакция направила в соответствующие ведомства для проверки и принятия мер.

Получены следующие ответы:

«Сообщаю, что факты, изложенные в заявлении рабочих Хасавюртовского районного ремонтно-строительного участка Хадисова, Ахмедова и других о неполучении длительное время заработной платы, подтвердились.

16 августа 1974 г. указанным рабочим выдана зарплата.

В отношении виновных в создании волокиты в выдаче зарплаты рабочим — начальника ремстройучастка Баймурадова А., прораба Чрезбиева С. и бухгалтера Джанмурзаева А. возбуждено дисциплинарное расследование.

И. о. прокурора ДАССР
ст. советник юстиции
М. Мирзаев».

«Балашовский горздравотдел сообщает:

Медицинская сестра родильного дома тов. Антонова Г. Ф. обратилась с заявлением в редакцию «Крокодила» на бездушное отношение работников Центральной районной больницы при оформлении очередной надбавки к заработной плате за выслугу лет.

За допущенное нарушение инструкции при оформлении документов медсестры Антоновой Г. Ф. на зав. отделом кадров тов. Сергодееву В. В. и экономиста Кожину Е. Ф. наложено административное взыскание главным врачом ЦРБ. Заявление Антоновой Г. Ф. проработано на производственном совещании административно-хозяйственной службы ЦРБ.

И. о. зав. горздравотделом
Трегубова».

«СЛОЖНАЯ АРИФМЕТИКА»

Так называлась заметка, напечатанная в № 15 нашего журнала. В ней говорилось о том, что киевский завод «Промарматура» выпускает негодные смесители для ванн.

И. о. директора завода «Промарматура» тов. В. Ковпак сообщает нам, что приняты меры к улучшению выпускаемой продукции. Начальнику цеха Д. Е. Подольскому объявлен выговор. Он и некоторые другие работники технической службы завода наказаны также материально.

— Вундеркинд!

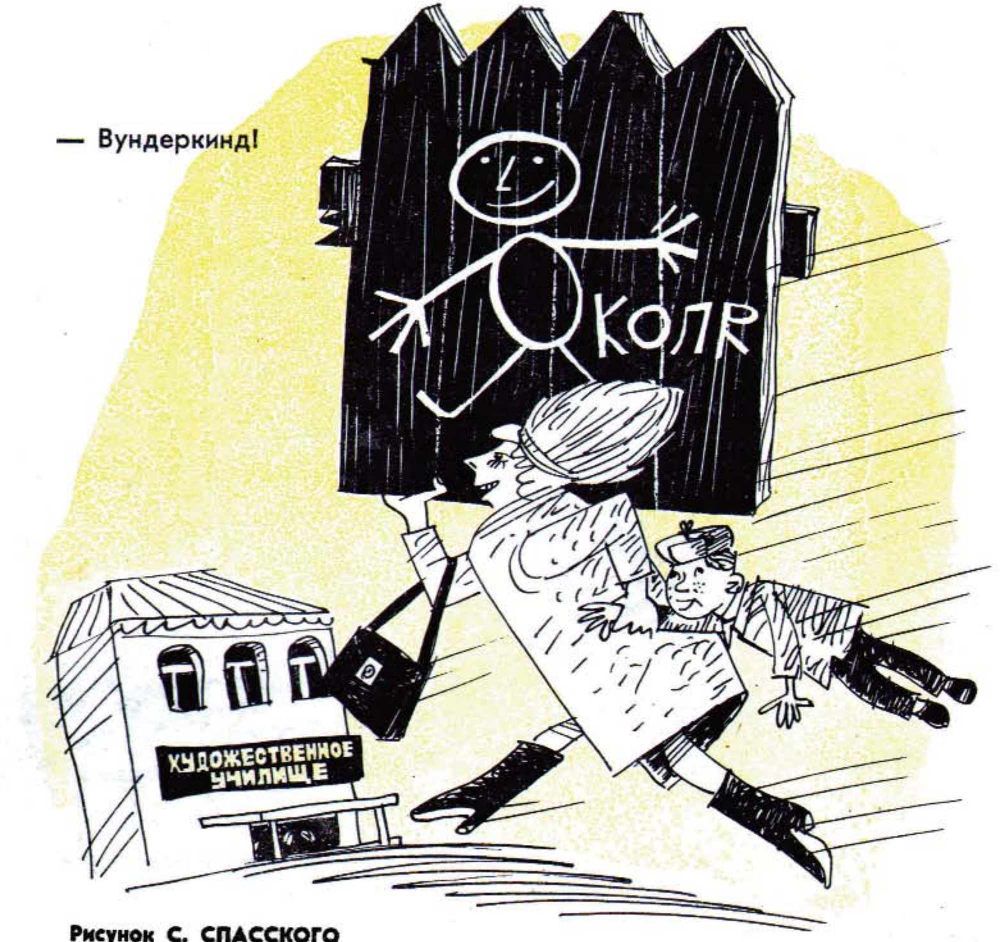
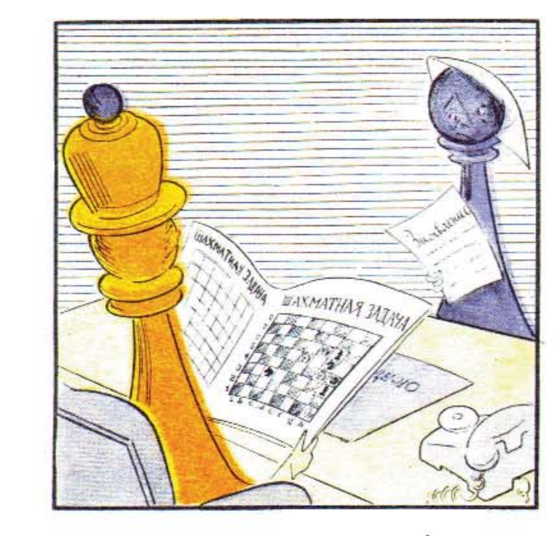

Рисунок С. СПАССКОГО

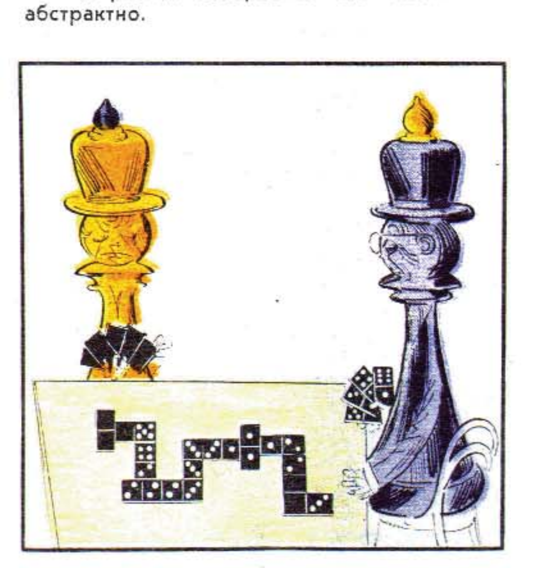

— У вас, ваше величество, каждый ход королевский!

— Я решил изобразить вас несколько абстрактно.

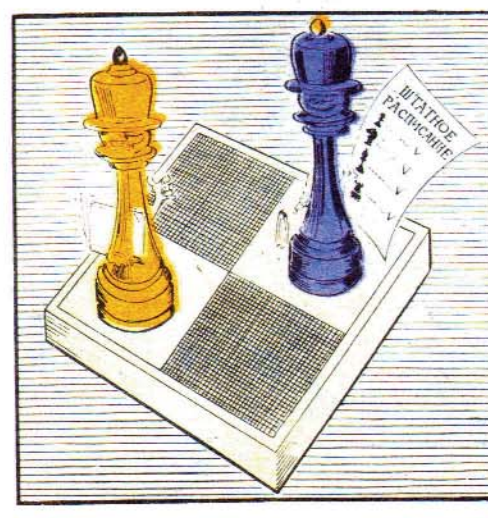

— Не видите разве, что я занят!

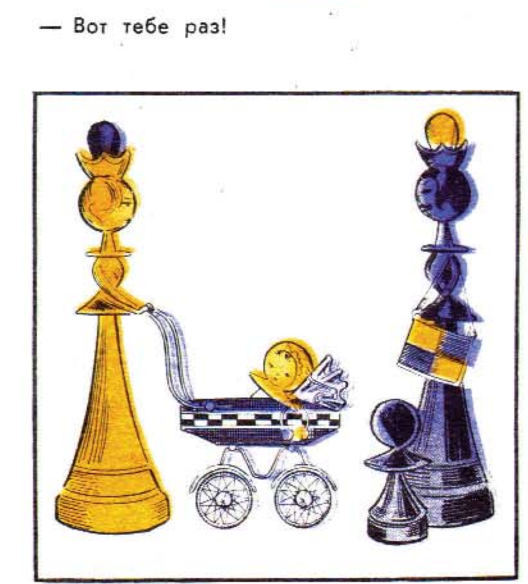

На пенсии.

— Вот тебе раз!

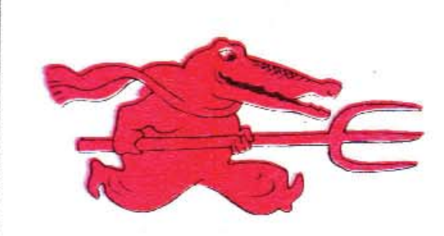

— Ну вот и сократили штаты!

— А ваша еще не ходит?

ВИЛЫ В БОК!

Модерн под старину

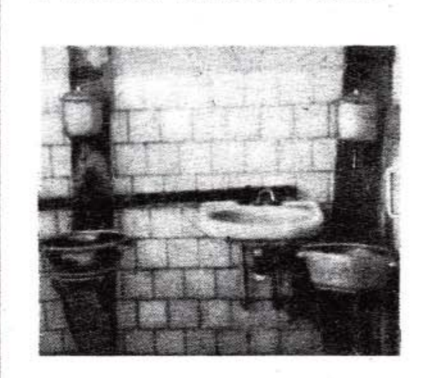
В городе Гулистане, Сырдарьинской области, Узбекской ССР, недавно построили новую гостиницу. Гостиница, скажем прямо, на все «пять» — светло, бетонно. Первые слова, которые приходят в голову посетителю,— это «уют», «комфорт».

Посетитель, радостно улыбаясь, располагается в номере, блаженно предвкушая отдых. А потом ему приходит в голову шальная мысль: а не помыться ли с дороги? Он открывает дверь куда надо и... полюбовавшись интерьером санузла, гасит улыбку и спешит на улицу, где, говорят, есть водопроводный кран.

Если же посетитель отважился подумать о чем-то еще, то ему придется спуститься во двор гостиницы, где именно для этой цели красуются уютные дощатые домики.

Нельзя сказать, что в этой гостинице совсем отсутствует заведение, которое принято именовать санузлом. Он есть, но... декоративный.

Специально для любителей старины по бокам неработающего современного умывальника приделаны старые дачные умывальники и заботливо поставлены тазики.

В гостинице есть еще и номера «люкс», в которых тоже нет воды и, извините, всего остального. Впрочем, для «люкса» это вовсе и не обязательно. В нем и так красиво.

Д. ЛИФШИЦ.

Зубная быль

Давайте вклинимся в толпу, стоящую у врат зубопротезного кабинета. Послушаем, о чем гутарят вот хотя бы эти двое граждан пенсионного возраста.

— У вас какая очередь!

— На щемищят пятый год, на ноябрь.

— А у меня на декабрь.

Оказывается, в городе Томске образовалась такая фантастическая очередь жаждущих протезирования.

— Спешите, граждане, — поторапливает больных девушка из регистратуры,— а то скоро будем на семьдесят шестой записывать.

Такая вот зубная быль...

Д. СУКОНЦЕВ.

А нужна тишина

Дорогой Крокодил!

Я писала тебе о злом и шумном демоне, от которого нет покоя жильцам нашего дома. Это громкоговоритель расположенной по соседству шелкомотальной фабрики. Ты направил письмо в Самтредский горисполком, который ответил не мудрствуя лукаво:

«Самтредский исполком городского Совета депутатов трудящихся сообщает, что в данный момент радиоприемник, который установлен на территории шелкомотальной фабрики, вообще не работает, а после восстановления будет работать с 8 утра до 20 час. вечера.

Председатель исполкома
Самтредского горсовета
депутатов трудящихся
Ревишвили».

Создается впечатление, что тов. Ревишвили не расслышал, о чем мы просили. А мы просили совсем не о том, чтобы по громкоговорителю передавалась песня «Тишина». Нам нужна просто тишина.

А. ПОТЕШНАЯ, г. Самтредиа.

Дешевле грибов

Действительно, была такая старинная поговорка, которую применяли, когда хотели подчеркнуть исключительную дешевизну какого-нибудь продукта. Но нынче, пожалуй, так не скажешь, потому что грибы обходятся горожанину дороговато. Ехать, небось, за тридевять земель, да еды на день, да пол-литра, да мало ли что... А если грибник надумал обзавестись каким-то там руководством по сбору сыроежек, то вообще можно в трубу вылететь.

Вот, например, товарищ Буйволов из Челябинска захотел приобрести книжку «За грибами». Но по горькой иронии судьбы такие книжки продаются только в Харькове. Уж как он про это дело узнал, мы объяснить не беремся. Только выписал он эту книгу наложенным платежом, учитывая, что стоимость книги 66 копеек.

Однако приходит ему из книжного магазина № 10 бандероль, за которую приходится платить 1 рубль 78 копеек. А в бандероли счет с колонкой цифр:

0—66
0—90
0—12
0—10
———
1—78

Можно, конечно, догадаться, что 0—66—это цена книги. А что значат остальные цифры—загадка.

Можно, конечно, в своих фантазиях пойти и дальше. Предположить, что сюда включены весовой и страховой сборы, гривенник, небось, наложенный платеж... Но все равно: чуть не в три раза дороже, чем сама книжка...

Вот мы и говорим: старая эта поговорка сюда не подходит.

А. Н.

Бррр, холодно!

То, что ржа ест железо, ведомо и самым маленьким. Но, может быть, нуждается в уточнении, сколько нужно времени ржавчине, чтобы полностью утолить свой аппетит.

Ученым, занимающимся проблемами коррозии, можем дать справку: двух лет вполне достаточно. Именно за такой срок полностью проржавели трубы, уложенные для парового отопления домов нашей Советской улицы. Уложенные, но так и не подключенные к проходящей рядом теплотрассе ТЭЦ.

Потом, в 1969 году (вот какая старина!) останки труб вырыли и увезли. Проложили новые. Через год отрыли и их, разрезали на части и увезли.

Работники Северного поссовета Воркуты, к которым мы из года в год обращаемся с мольбами о паровом отоплении, относятся к нашим нуждам с чуткостью и отзывчивостью упакованных труб.

Неужели требуется какой-то особый трубный глас, чтобы они наконец поняли, как неуютно нам без горячих радиаторов?

И. ЗАДОРОЖНЫЙ, И. ЖУКОВ, А. ГОРЯЧЕВ и другие.
г. Воркута.

Вроде о снеге

О снеге — потом, тем более, что сам снег — это вода в иной субстанции.

Так что сначала о воде.

Есть на Белгородчине старинное село Большая Халань и не менее старинная в нем улица Яма.

И проложили в селе водопровод, и началось при этом сначала водоснабжение. Потом водоснабжение стало чересчур уж водоснабжением. Ржавые трубы лопнули, и место, занятое селом, своевременно пригрозило превратиться в непредусмотренную географами акваторию. А уж улица Яма и подавно.

Выход нашли. Стали пускать по трубам воду только один раз в сутки и только на один час. «Час пик» на селе организовали, когда жители бегали за водой: кто послабосильнее — с бидончиком, кто помогутнее — бочку уволакивал от водоразборной колонки.

Конечно, это неудобно, но, конечно же, можно кое-что и предложить взамен.

Хотя бы транспортировать воду из Белгорода самолетами, как в Каракумах.

Или, на худой конец, растапливать окрестный снег, но только это уж слишком сезонное явление.

Е. М.

— Недолива нет, но вода чем-то разбавлена.

Рисунок Е. ГУРОВА

Мкртич КОРЮН

МИНИАТЮРЫ

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

— Куда ты спешишь так, мой юный сосед!
— В кино, где запрет «до 16 лет»!
— В кино ты и завтра успел бы вполне.
— Нет, завтра шестнадцать исполнится мне!

ТРУДНЫЙ ВОПРОС

— Ты чей такой славный! — спросили Арама.
В глазах у мальчонки печаль и тоска:
— Не знаю. Разводятся папа и мама,
Чьим буду, еще не известно пока...

ДОЖДИ

С курорта жена позвонила домой:
— Дожди здесь все время шумят надо мной.
Сижу и мечтаю о солнечном дне.
Как дорого дождь здесь обходится мне!..
Тут муж рассердился — аж в голосе дрожь:
— Действительно, дорог курортный твой дождь!
Домой собирайся немедля, тотчас —
Дожди-то гораздо дешевле у нас!

ЧТО ЛУЧШЕ!

Внук прибежал домой белее мела.
На нем рубашка клочьями висела.
И бабушка воскликнула:
— Опять
Рубаху мне придется покупать!..
Внук отвечал обиженно:
— Бабусь,
Не знал же я, что с дерева сорвусь...
Рубашку жаль, но ты представь, а ну-ка,
Что покупать тебе
Пришлось бы внука!

ПЕРЕСТАЛ

— Ты знаешь, начальник наш пить перестал...
— Слава ему и почет!..
— Да нет же, начальник наш пить перестал
Только за свой счет!

ЗАБЫВЧИВОСТЬ

Проспался муж и, как ревнивец пылкий,
Жене с пристрастьем учинил допрос:
— Пустые это чьи стоят у нас бутылки!
Ведь я, как помню, полные принес!

Перевел с армянского
Е. ИЛЬИН.

— Ищи третьего!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

— А мне жена уже постель приготовила!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

СУМКА ДИПКУРЬЕРА

А. ГОЛУБ, специальный корреспондент Крокодила

Ошибка сержанта Бровкина

Сержант железнодорожной милиции Бровкин (а может быть, и не Бровкин, фамилия в данном случае не играет роли) нес службу на станции Балаково, когда заметил на перроне странного пассажира. Не то, чтобы пассажир вел себя как-то не так или одет был как-то особенно. Просто уж очень бережно он прижимал к себе увесистый фибровый чемодан. Даже когда пил воду у киоска, и то держал его у груди, словно новорожденного младенца.

— Гражданин! — незаметно приблизившись, строго сказал сержант.— Что у вас в чемодане?

— Прокладки...

— Прокладки?! — насторожился сержант.— Попрошу пройти со мной!

В отделении милиции чемодан открыли, и на стол дежурного высыпались крошечные резиновые прокладки, необходимые при сборке автомобиля «Жигули». Задержанный предъявил удостоверение инженера отдела смежных поставок Волжского автомобильного завода и заявил, что получил эти прокладки на Балаковском заводе резинотехнических изделий. Если же он опоздает к поезду, то на гиганте автомобилестроения по вине милиции может остановиться главный сборочный конвейер.

— Сержант! — решительно скомандовал дежурный.— Немедленно доставьте гражданина туда, где вы его взяли!

Сержант и инженер исчезли. А дежурный по отделению еще долго удивлялся: почему гигант автомобилестроения перевозит детали в чемоданчиках?

«Вуатюр отомобилъ» на конвейере

Даже сами изобретатели и создатели самодвижущейся коляски Готлиб Даймлер и Карл Бенц не были столь самонадеянными, чтобы мастерить автомобиль собственноручно от рессор до медного фонаря. Они уважали специалистов и отдавали дань производству на смежных началах, как сейчас принято выражаться, кооперированию.

Автомобильные колеса Даймлер и Бенц поручали гнуть колесным мастерам, ковать рессоры — кузнецам, обивать сиденья — обойщикам. Саму карету, как нетрудно догадаться, сколачивали каретники. Если кто-либо из компаньонов отставал, господин Бенц (а может быть, и Даймлер) подходил к телефонному аппарату системы Грейама Белла и леденящим душу голосом произносил:

— Герр редермайстер, ваша медлительность ставит фирму в затруднительное положение. Совсем готовый вуатюр отомобиль стоит на козлах, а колес к нему все нет.

— Герр Бенц,— оправдывался колесный мастер.—Вам всегда чем-нибудь не угодишь! То, видите ли, спиц в колесе мало, то обод косой!

Стоит ли говорить о том, как неизмеримо возросло значение кооперирования за восемьдесят восемь лет, прошедших со дня создания автомобиля! Над современной машиной марки «Жигули», к примеру, помимо колесовщиков, кузнецов и обойщиков, трудятся химики, нефтехимики, металлурги, электро- и радиотехники. Триста заводов-смежников поставляют Волжскому автозаводу пятьсот наименований материалов, более тысячи комплектующих изделий.

Даймлеру и Бенцу было вполне достаточно мимолетного взгляда, чтобы определить, чего именно — колес или фонаря — не хватает строящемуся вуатюр отомобилю. Сегодняшним автомобилестроителям одних только глаз мало. С конвейера ВАЗа беспрерывно сходят автомобили. Две тысячи двести тридцать пять штук в день. Как тут определить на глазок, какой из тысячи деталей не хватает сегодня или может не хватать завтра одному из двух тысяч двухсот тридцати пяти автомобилей?

Прогнозы по всем деталям, идущим на сборку, дает электронно-вычислительный центр. В изолированных от внешнего мира, зашторенных залах едва слышно урчат, подмигивая зелеными и красными глазками, девять экстраклассных компьютеров. Словно сказочные духи, они по первому требованию готовы дать ответ на любой вопрос. Даже по самой невзрачной на вид шайбочке.

Электронные машины памяти начинают тревожно подмигивать красными глазками за шесть суток до того, как иссякнут запасы какой-нибудь детали. В тот день, когда деталей остается на один день работы конвейера, завод-смежник пополняет их запасы еще на шесть суток вперед.

Откуда же в таком случае взялся инженер с фибровым чемоданчиком, повергший в смятение балаковских детективов? А вот откуда.

Когда компьютер сообщил, что резиновых прокладок осталось на шесть дней работы, из Тольятти в Балаково, как обычно, последовал запрос: «Сообщите, как с отгрузкой?» Из Балакова ответили: «Из-за неисправности оборудования отгрузка задерживается».

Когда прокладок осталось на пять дней, из Тольятти повторили запрос. Из Балакова ответили: «Оборудование исправлено, нарабатываем».

Четыре дня! Времени для доставки прокладок по железной дороге не оставалось. В Балаково с ВАЗа снаряжается грузовой автомобиль. Но в пути случается поломка.

Три! В Балаково вылетает вертолет. На обратном пути из-за метеоусловий он приземляется не в Тольятти, а в Казани.

Два! В Казань выезжает грузовик, и одновременно принимаются меры на всякий пожарный случай...

И здесь следует сделать небольшое отступление и сказать, что когда на смежнике ломается какая-нибудь машина или станок, то это частенько не заставляет его вздрогнуть. Ну, что с того, что сломался станок, который штампует шайбочки, цена которым копейка за штуку?!

Когда на смежнике ломается станок, вздрагивают на ВАЗе. Потому что как без копейки нет рубля, так без копеечной шайбочки еще нет автомобиля. Если, не дай бог, из-за этих самых шайбочек конвейер остановится на два дня, торговая сеть недополучит четыре тысячи четыреста семьдесят автомобилей. Одну треть товара, поступающего за год в автомагазин на Бакунинской улице в Москве.

Поэтому, когда на смежнике выходит из строя оборудование, с ВАЗа срочно прибывает инженер с чемоданчиком. Он оказывает техническую помощь, дает консультации и ведет всякие, так сказать, дипломатические уговоры.

В описанном конкретном случае находящийся в Балакове инженер, или, как в шутку говорят на ВАЗе, дипкурьер, получил задание набить свою сумку прокладками и в порядке подстраховки следовать в Тольятти поездом.

Один! Грузовик и инженер с желанными деталями прибывают на завод одновременно. Запас прокладок пополнился еще на шесть суток.

Со льдины на льдину

На Балаковском заводе резинотехнических изделий построена вертолетная площадка. Такая же площадка построена на Волжском автозаводе. Три раза в день с площадки на площадку, словно со льдины на льдину, перелетает винтокрылая птица, которой больше пристало реять над тайгой и марью, преодолевать безмолвные пространства тундры,— вертолет.

Воздушный мост действует бесперебойно.

Отдавая должное Балаковскому заводу, следует сказать, что за два года с небольшим на нем освоили производство семисот резиновых деталей для «Жигулей». И это, конечно, не просто было сделать. Но вместе с тем нельзя умолчать и о том, что детали двадцати — тридцати наименований, как правило, отправляются на ВАЗ горяченькими.

— Ваша неаккуратность ставит производство автомобилей в трудное положение,— доносится по проводам леденящий душу голос технического директора Волжского автозавода.

— Ваш завод — это какой-то ненасытный Молох,— защищается технический директор Балаковского завода.— Только лишь сегодня утром отправили целый вертолет деталей. А вы хотите еще и еще...

Руководство Балаковского завода, естественно, знает, что отгруженные детали в спешке не проверены на качество. Знает оно и то, что эту процедуру с ними обязательно проделают в Тольятти. Неизвестно ему лишь одно — какой процент забракован. А забракована каждая пятая деталь. И потому самое время поднимать в воздух еще одну винтокрылую птицу.

С пяти вертолетов иногда накапливается вертолет брака. Он возвращается поставщику по железной дороге: во-первых, нет той срочности, во-вторых, не так накладно. За восемь месяцев этого года вертолетные перевозки Балаково—Тольятти и без того обошлись в 725 тысяч 974 рубля. Не возить же по высокой воздушной таксе и брак!

Постоянный цейтнот вынуждает порой и некоторых других смежников предлагать ВАЗу вместе с пригодными изделиями и непригодные, хотя эти попытки не достигают цели. Брак не может дойти до сборочного конвейера.

Автомобильные покрышки с изъянами отшвыривает в сторону сам автомат, собирающий колеса. Ярославским шинникам небезынтересно будет узнать, что обслуживающие автомат рабочие, обнаружив брак, всякий раз поминают шинников дважды. Один раз из-за самого брака, второй — из-за того, что умная машина отшвыривает бракованные покрышки далеко: изволь потом собрать их в кучу.

Резиновые изделия подвергаются также проверке на кручение, верчение, катание, изгиб...

Пластмассовые — просвечивают, крутят, бьют, мнут...

Металлические — вертят, гнут, давят и в довершение посылают на рентген...

Но, как ни крути, ни верти, смежник все равно присылает брак. И приходится раскошеливаться на дополнительные самолеты, вертолеты и автомобильные рейсы.

Возвратимся же к способам перевозок. С Балаковского завода мы начали потому, что он прочно удерживает в воздухе первое место. Второе до недавних пор занимал орехово-зуевский завод «Карболит». Этот смежник возил свою хрупкую пластмассовую продукцию смешанным транспортом: автомобиль — самолет — автомобиль. В итоге многократных перегрузок к месту назначения привозили осколки. Это вынудило «Карболит» сократить воздушные перевозки, соответственно расширив автомобильные.

Бывает, что сперва отдается предпочтение самолету, потом вертолету. Бывает и наоборот. Случается, что, отправив груз автомобилем, вдогонку ему посылают вертолет, вдогонку вертолету — самолет.

Не отступают от своих привычек лишь три завода — Ярославский шинный, Сызранский пластмасс и Харцызский сталепроволочный. Первый возит свой брак в оба конца только вагонами. Второй — только автомашинами. Третий — только вагонами и только в одном направлении: поставляемый им негодный металл обратно не возвращается, а сваливается прямо в металлолом.

Бусинка к бусинке

Тот, кто побывал на современном автомобильном заводе, может смело утверждать, что видел чудо.

Ну, в самом деле! Берутся обыкновенные листы стали, подкладываются под пресс, и через минуту все детали кузова готовы. Их тут же автоматически сваривают воедино, и полученный кузов целиком окунают в ванну — загрунтовывают. Потом в горячих камерах придают желаемый колер и подвешивают на конвейер.

Красные, зеленые, синие кузова плавно плывут по цеху. А к ним по другим конвейерам плавно подплывают моторы, передние и задние подвески, колеса... По обе стороны конвейера священнодействуют стройные парни и завитые девушки в серо-голубых комбинезонах. Они ждут, когда деталь или узел приблизится к конечной точке своего путешествия, и крепят ее к кузову автоматическими закрутками.

В общем, с одной стороны конвейера подвешивают голый кузов, а с другой—через определенный промежуток времени на пол спрыгивает сверкающий лаком и никелем готовый автомобиль. И вдруг из невидимых репродукторов во всю километровую громаду цеха гремит джаз. Это значит:

— Пе-ре-рыв!

Вот так сегодня строят автомобили. До удивления просто, до ослепительности красиво. И даже музыкально.

Создатели Волжского автозавода предполагали, что так же ослепительно и музыкально будут работать и его поставщики. Ведь одни заводы-смежники были специально созданы для ВАЗа, на других были построены ультрасовременные цеха, на третьих — установлено уникальное оборудование.

Но вот заработали главный сборочный конвейер и десятки вспомогательных. Их бег нельзя было ни замедлить, ни ускорить. Потому что бег конвейера — это бег времени. Каждая деталь должна поступить на сборку точно в рассчитанную секунду. С такой же точностью она должна прибыть на завод.

А некоторые смежники продолжают работать по старинке.

Балаковский завод резинотехнических изделий фактически построен заново, но и на нем не все благополучно. Предприятие, оснащенное уникальным оборудованием, выходит из положения с помощью вертолетов. Его хозяин — «Главрезинпром» Министерства нефтехимической и нефтеперерабатывающей промышленности, разрешив задачу размещения оборудования, стоит перед новой проблемой: как обеспечить это оборудование запчастями? Ведь оно — черт побери! — изнашивается да ломается! И где взять всякий там мерительный и прочий контрольный инструмент и приборы, чтобы проверять свои изделия на качество?

И такое положение не только в Балакове и не только на предприятиях этого министерства.

«Дипкурьер» из Тольятти, словно верный телохранитель, частенько присутствует в кабинете начальника производства орехово-зуевского завода «Карболит» А. А. Когана. А если не в кабинете, то у дверей кабинета. А если не у дверей, то ходит за ним по заводу.

— Товарищ Коган,— вежливо напоминает он,— вот телеграмма из Тольятти. Рассеиватели на исходе... Нельзя ли отштамповать хотя бы немного?...

— А на чем отштамповать-то, покажите,—растерянно смотрит по сторонам А. А. Коган.— На том

СУМКА ДИПКУРЬЕРА

станке штампуют для АЗЛК, на этом для ГАЗа. Там в конце концов тоже строят автомобили...

Конвейер ВАЗа держит заводы-смежники в постоянном напряжении. И там работают не бездушные чиновники. Они перестраивают производство, стремятся к тому, чтобы пульс заводов-поставщиков бился в унисон с пульсом главного сборочного конвейера. Они бы с превеликим удовольствием в рай, да только чужие грехи не пускают.

Узловский завод Министерства химической промышленности не успевает прессовать пластмассовые кожухи усилителя тормозов, потому что пресовочный материал, который он получает с «Карболита», медленно затвердевает.

Завод «Карболит» не вырабатывает быстротвердеющий материал, потому что Кемеровский научно-исследовательский институт не дает рецептуры.

Кемеровский институт не дает рецептуры, потому что еще не разработал ее.

Или:

Харцызский сталепроволочный завод Министерства черной металлургии поставляет неподходящую катанку для метизных изделий, потому что Криворожский металлургический завод дает ему неподходящий подкат.

Криворожский завод отгружает не тот подкат, потому что конверторы плавят не такую сталь.

Конверторы плавят не такую сталь, потому что домны дают не тот чугун. А домны дают не тот чугун, потому что в них загружают не ту руду.

Так называемые «независящие обстоятельства» нанизываются одно на другое, как бусы на ниточку.

В результате этой, так сказать, поголовной невиновности на высокоавтоматизированном ВАЗе, изготовив партию метизов, то есть болтов и гаек, садятся в кружок и вручную отсортировывают годные от негодных.

А что поделаешь? Не аккредитовать же и на руднике своего «дипкурьера», который следил бы за качеством руды, из которой плавят чугун, из которого плавят сталь, из которой делают подкат, из которого в Кривом Роге катают катанку, из которой делают метизы?

Два эксперимента

Среди заводов-смежников ВАЗа есть и предприятия родного министерства — автомобильной промышленности. Казалось бы, кому-кому, а уж им-то грешно поставлять брак своему сородичу. А они поставляли, и к тому же с легким сердцем. Для возврата брака поставщикам — Скопинскому автоагрегатному заводу и Белебейскому заводу автонормалей — требовалось столько вагонов, что из них в пору было формировать поезда.

И вдруг все переменилось. Один завод, гордо выпятив грудь, зашагал в передовики. И другой на пути к тому же. Какими судьбами?

Министерство автомобильной промышленности в порядке эксперимента подчинило их Волжскому автозаводу. Он принял их на довольствие, подсоединил к своему электронно-вычислительному центру и, кроме того, провел еще некоторые организационные и воспитательные мероприятия. И вагоны с автонормалями и амортизаторами, самодовольно постукивая на стрелках, пошли только в одном направлении. Но уже не в обратном, а в том, в котором нужно.

В связи с успешно проведенным экспериментом родилась и более масштабная мысль: а не передать ли ВАЗу несколько заводов-смежников и из других отраслей промышленности? Например, химической и нефтехимической? И не только потому, что ВАЗ показал себя талантливым организатором производства, а еще и по другим причинам.

Волжский автозавод пока что единственный, который выпускает в год по новой модели автомобиля. А для новой модели требуется и новый антураж — катафоты, уплотнители, рассеиватели... Смежник, к примеру, только наладил прессовку какого-нибудь там прямоугольного катафота, а ВАЗу уже нужны не прямоугольные, а квадратные. Смежник только что слезно вымолил материал для рассеивателей белого цвета, а ВАЗ уже перешел на желтые тона.

Может быть, стоит передать автомобилестроителям завод пластмассовых изделий и резинотехнических тоже. И пусть себе дерзают. Прессуют белые рассеиватели или желтые, а хоть и красные в белый горошек. Квадратные, прямоугольные и даже треугольные... А химики и нефтехимики пускай только предлагают им всевозможные новые материалы.

Министерству химической промышленности на первых порах такая мысль очень понравилась, и оно сказало: «Да!». Потом умолкло. И сейчас не говорит ни «да», ни «нет».

Что касается Министерства нефтехимической и нефтеперерабатывающей промышленности, то оно твердо и бесповоротно сказало: «Нет!»

А пока проводятся бесконечные межведомственные совещания, составляются подробные протоколы, дело кооперирования по-прежнему движется вперед со скрипом.

Автор провел эксперимент. Он ходил и звонил в Министерство нефтехимической промышленности в течение пяти дней в надежде выяснить, какие меры принимаются, чтобы приземлить наконец вертолет, который постоянно висит в воздухе между Балаковом и Тольятти.

— Волжский завод — это, конечно, гигант,— услышал он от начальника «Главрезинпрома» тов. Зверева.— Но вам все же лучше поговорить с моим заместителем по производству Химанычем.

— Да, да,— сказал тов. Химаныч,— Волжскому заводу мы придаем огромное значение. У нас в главке им занимается сам главный инженер Павлов.

— Вас интересуют поставки для автозавода в Тольятти? — переспросил тов. Павлов.— Его мы, кажется, неплохо обеспечиваем. Но лучше зайдите к инженеру Малышеву. Он у нас, так сказать, главный автомобилист.

«Главный автомобилист» П. П. Малышев курирует поставки для ВАЗа и строящегося КамАЗа. Семьсот деталей для одного и пятьсот — для другого! Где уж тут разобраться в болезнях производства! Дай бог упомнить, какой детали кому не хватает. Ведь у П. П. Малышева нет своего компьютера!

Итак, совещаются. А тем временем по дорогам, ведущим в Тольятти, мчатся грузовики с комплектующими изделиями. Вдогонку грузовикам летят вертолеты, вдогонку вертолетам — самолеты. В решительную минуту их обгоняет «дипкурьер» с фибровым чемоданчиком.

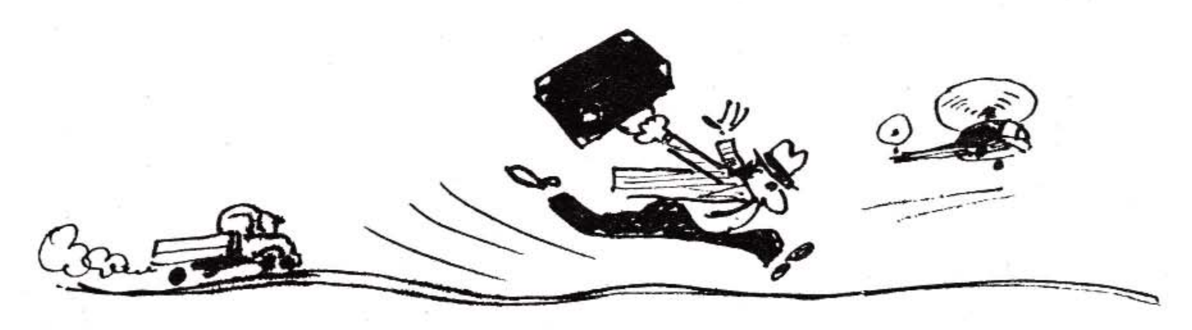
Москва — Тольятти — Москва.

ОТ РЕДАКЦИИ. В Продолговатом зале редакции Крокодила состоялось совещание представителей министерств, участвующих в производстве автомобиля «Жигули». Собравшиеся подробно проинформировали дирекцию ВАЗа, а также редакцию о мерах, принимаемых для улучшения качества и ритмичности поставок.

Поскольку все выступавшие сообщили, что совещания по этому же вопросу прошли во всех представленных ведомствах и министерствах, редакция считает своим долгом заявить, что она очень не хотела бы, чтобы это ее выступление вызвало новую волну совещаний.

Она хотела бы, чтобы совещание в Продолговатом зале было последним совещанием смежников ВАЗа. Чтобы они поскорее отказались от самолетных, вертолетных и автомобильных перевозок и пользовались бы только железнодорожным транспортом.

Но редакция не собирается давать никаких рецептов. В министерствах лучше знают, что нужно для этого сделать.

В. ЖИТОМИРСКИЙ

Когда на пороге редакции «Нью-Йорк геральд трибюн» появился расфуфыренный молодой человек с торчащим из верхнего кармана пиджака шелковым платочком и, помахивая тросточкой, объявил, что он новый сотрудник, то репортеры и не подозревали, что их расфуфыренный коллега Дж. Олсоп в будущем станет журналистским королем. Во владениях этого монарха будет царить вечный холод, и те, кто попадет сюда, будут то и дело натыкаться на заиндевевшие зеркала... Короче, Олсоп станет владыкой Снежного королевства кривых зеркал.

В числе подданных этой монархии оказались миллионы американских граждан, которым трижды в неделю Олсоп демонстрировал мутное от изморози кривое зеркало (именно с такой периодичностью появлялись его статьи одновременно в сотнях газет от западного до восточного побережья Штатов). Сквозь иней в этом зеркале были видны жуткие картины: то ракеты с красной звездой летели прямиком на Вашингтон, то русские подводные лодки всплывали чуть ли не посредине Миссисипи, то коварная рука Москвы протягивалась непосредственно к манхэттенским небоскребам.

Надо сказать, что сам снежный король жил неспокойной жизнью. Когда того требовали интересы королевства, он отправлялся за тридевять земель и оттуда поддавал своим подданным страха и холоду. Даже если это была такая жаркая страна, как Южный Вьетнам. Отсюда журналистский король слал такие депеши, что преступления интервентов выглядели в его зеркалах рождественскими картинками.

Увлекшись дальними вояжами к милым его сердцу единомышленникам, его величество снежный король и не заметил, что климат-то стал меняться, что значительно ослабли ветры «холодной войны», столь благодатные для его снежных владений. Нет, он не желал этого замечать и еще год назад вещал о неминуемом советском нападении.

Он-то, может, и не замечал потепления, но подданные это ощущали отлично. Изморозь на олсоповских зеркалах таяла все сильнее, и охотников вглядываться в них становилось день ото дня меньше. И вот наступил час, когда олсоповское Снежное королевство кривых зеркал прекратило свое существование. Король ввиду неминуемого краха всех его снежно-ледовых построений подал в отставку. Шестидесятитрехлетний Олсоп заявил, что уходит из журналистики по собственному желанию. «Устал, набегался,— объясняет он.— Окунусь в искусство, дам отдохновение измаявшейся душе».

Но так ли уж по собственному желанию? Так ли уж намаялся? Бросить любимую сосульку-авторучку и переквалифицироваться в искусствоведы не просто. И лепет об усталости «от беготни» звучит не слишком-то убедительно — вспомним хотя бы патриарха респектабельной американской журналистики Уолтера Липпмана, который работал и в значительно более преклонном возрасте.

Олсоп ворчливо добавляет, что первые признаки душевной усталости он почувствовал, когда США вывели свои войска из Вьетнама. «Наша страна потеряла силу воли»,— брюзжит ястреб-пенсионер. Но потерял он сам — потерял чувство времени. А теперь, на старости лет, к счастью, обрел его. И сообразил, что его морозные узоры на газетном листе больше не по сезону...

Впрочем, бог с ним, с экс-королем. Важно другое. От кривых зеркал, коими еще пользуются духовные наследники Джозефа Олсопа, отворачивается все больше людей. Время не то.

Кризисные явления в западной экономике, в том числе энергетический кризис, привели к массовым увольнениям в первую очередь в автомобильной промышленности.

СХОДЯТ С КОНВЕЙЕРА

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

ПРЕЗИДЕНТ САЙГОНСКОЙ «МАЛИНЫ»

Я. МАЛЫКИН

Рынок в Сайгоне. Бойко идет торговля современным «колониальным» товаром.

— Господин капитан, ваши медные гильзы почем?

— Вот эти — на доллар два кило. А вот эти, для крупнокалиберных орудий,— по два доллара за штуку.

— Позвольте, но ведь это не гильзы, а снаряды!

— Правильно. Заложите снаряд в пушку, выстрелите и получите гильзу. Вон у меня за углом стоит батарея. Берите и ее тоже заодно. Я ее сам недавно купил у одного полковника-артиллериста. Берите, уступлю недорого.

— Спасибо, пока не надо. А почему полковник продал вам пушки?

— А ему они ни к чему. Он не столковался в цене с пехотным начальством. Тут, понимаете, недавно в штабе разрабатывалась очередная операция, и начальник артиллерии говорит: «Значит, условились — огонь открываю в 17.00. Плата за каждый выстрел — пятерка зелененькими». На это пехотный начальник возразил: «Дорогой полковник, вы спятили. Где это видано — пятерка! Ха! Семьдесят центов — красная цена». «За семьдесят центов мои ребята не станут марать руки пушечным салом,— возмутилась артиллерия. — Пусть ваша пехота кричит во всю глотку «бум — трах!» и считает это артподготовкой». После чего артиллерийский начальник плюнул и попросил меня продать повыгодней эти пушки, а заодно и снаряды.

...Великий торг идет в армии Тхиеу. Продается и покупается все. Торгуют сержанты и капитаны, младшие лейтенанты и генералы. В каждом роде войск — свои источники «дополнительных» доходов. Но таких, как в авиации, пожалуй, нет нигде. Скажем, прилетает вертолет за ранеными. Летчик не торопится пускать всех подряд в машину.

— Куда прешь?

— Так я раненый.

— И слава богу. Звание?

— Солдат...

— Восемь долларов.

— У меня их нет.

— Тогда топай в сторону. Дорогу видишь? Вот и жми двадцать километров до своего госпиталя.

Но калым за перевозку раненых — мелочишка по сравнению с прибылями за перевозку на бомбардировщиках импортного барахла для продажи на черном рынке по спекулятивным ценам.

Понятно, что сверхприбыли коллег-авиаторов не дают покоя генералам пехотным. Разрабатывается, скажем, план наступления полка. Полковник докладывает генералу:

— Если мы начнем наступление с юга, потери будут незначительными.

— Плохо,— вздрагивает генерал, вспоминая о необходимости срочного взноса за покупку поместья.— Приказываю не считаться ни с какими потерями!

И не считаются. Зато считает генерал. На убиенных генерал сведений не подает. А посему на них продолжают идти все виды довольствия. В том числе и денежное. Таким способом один южновьетнамский генерал всего лишь за пять месяцев прикарманил 20 тысяч долларов.

О том же, что и как рвет «сам» Тхиеу, говорится в обвинительном акте «Народного движения борьбы против коррупции за национальное спасение и восстановление мира». Из этого документа со всей очевидностью явствует, что Нгуен Ван Тхиеу:

заботится о процветании внешней торговли. Для чего всячески поощряет контрабандную торговлю опиумом и героином, получая миллионные отчисления;

печется о развитии сельского хозяйства. Незаконно присвоил себе тысячи гектаров земли в Далате, Логкхане, Бьенхоа и использовал государственные фонды на сумму в несколько сотен миллионов пиастров для оборудования частного поместья в Далате;

хороший семьянин, любящий муж, добрый отец, заботливый брат. Использовал казенные средства для покупки своей дочери дома стоимостью в 40 миллионов пиастров и огромной виллы для жены в 90 миллионов пиастров. Избавил от суда свою сестру — спекулянтку рисом, одну из виновниц голода в центральных провинциях.

После того как оппозиция громогласно объявила: «Источник коррупции — сам президент», Тхиеу впал в тихую панику.

— Что делать?—спросил он своего советника по наркотикам.— Ведь чего доброго и турнут меня... Что это? — спросил он, глядя на конверт, протянутый советником.

— Это выручка за перепродажу минеральных удобрений, плюс за героин, плюс...

— Знаю, знаю,— сказал президент, запихивая в карман плотный конверт.— Так что же делать?

— Ясно, что,— молвил советник.— Шкуру спасать. А для этого придется идти на жертвы...

— Не отдам! — вскричал глава государства, хватаясь за карман.

— Да я не о том. Подпишите приказик.

С этими словами советник положил на стол бумагу.

— Ах, что делать,— вздохнул президент и подмахнул документ об увольнении группы министров-лихоимцев в отставку.

Но и после операции «сбрасывания балласта» дырявый воздушный шар режима Тхиеу продолжает камнем падать к земле.

Оппозиция заявила о намерении возбудить против Тхиеу уголовное дело и представить трибуналу документы, где будет подробно указано, когда и за что «самый честный» брал и чем спекулировал.

Судя по всему, это будет процесс века, ибо еще ни один правитель нашего времени не воровал так нагло и в таких масштабах, как марионеточный президент Тхиеу.

Но дойдет ли дело до процесса? Есть веские основания предполагать, что народ Южного Вьетнама сметет Тхиеу и его шайку-лейку без длительного судоговорения.

МИМОХОДОМ

Чтобы дождаться чашечки кофе, порой требуется чаша терпения.
Ю. НИКОЛЬСКИЙ.

Склочница заявила твердо: «Командовать в парадном буду я!»
А. ЩЕРБАНЬ.

Докладчик уснул, не дослушав самого себя.
В. СОЛОВЬЕВ.

Часто освобождают от работы, но никогда от безделья.
С. МАРКОВ.

«Работая с праведниками,— говорил ангел, — нужно иметь адское терпение».
Данил РУДЫЙ.

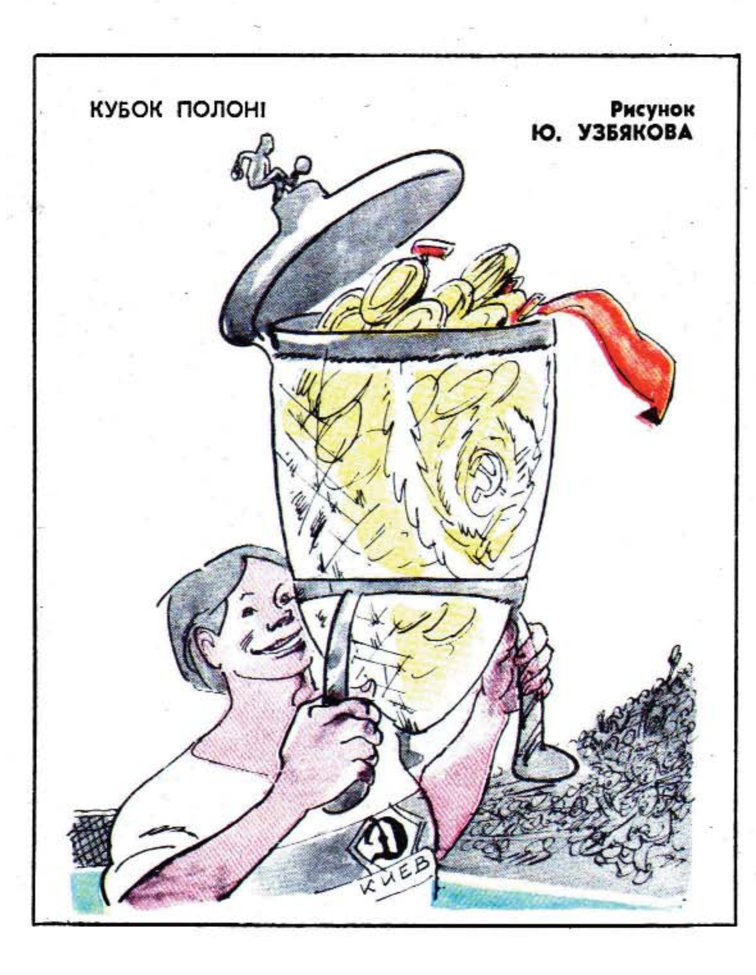
И поющий дифирамбы дает петуха.

Победителей не судят. Им часто подсуживают.
А. ЧЕРНОВ.

Из «Дня открытых дверей» ничего не вышло: только всех простудили.
Вал. ДЕВЯТЫЙ.

КУБОК ПОЛОН!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Тракторист изобрел приспособление для сволакивания соломы, которое ему помогло стащить всю солому с колхозного поля».

(Из выступления).

«Участницы самодеятельности получают неограниченный запас энергии от лучших хлеборобов».

(Из выступления).

Записала Д. Родникова, г. Белгород.

«Произвести обмен сапог завод не имел возможность, т. к. такие сапоги временно не работали.

Главный инженер производственного объединения «Красный богатырь» Ю. Волков».

(Из ответа в редакцию Крокодила).

«20 августа я и мои гости, мой двоюродный брат поехали собирать валежник на дрова. Насобирали дров и остались ночевать в заповеднике. С нами было три ружья, чтобы отбиваться от зверей».

(Из объяснительной записки браконьера).

Прислал А. Горских, Крымская область.

СЛУЧИТСЯ ЖЕ ТАКОЕ!

ПО СИГНАЛУ ТРЕВОГИ

Однажды ученики 4-го класса Курков Вова, Бакин Валера и Столбов Слава пришли во двор 3-й стрелково-пожарной команды станции Калинин и стали играть в чижика. Скоро им надоело играть в чижика, и они стали думать, чем бы заняться еще. Тут на глаза им попалась большая куча мусора у пожарного сарая.

— Интересно, загорится от спички или нет? — сказал один нехороший мальчик.

— Может быть, и загорится, — сказал другой.

А Валера ничего не сказал, просто взял спичку и поджег бумагу.

Не успели они опомниться, как мусор запылал.

Ребята испугались, кое-как затоптали огонь и убежали. Но затоптали они огонь не очень хорошо, потому что едва мальчики убежали, как загорелся сарай.

И могли бы быть даже человеческие жертвы, потому что это все произошло 10 октября в три часа дня, и в помещении находились пожарные во главе с заместителями начальника команды Иваном Максимовичем Шульгой и Александром Семеновичем Аксеновым.

Они сидели и занимались своими важными делами — составляли отчет о состоянии противопожарной охраны, а может быть, чем-нибудь еще, а потому и не заметили, что рядом горит их сарай.

К счастью, мимо проходила тетя Валя Воробьева, она ходила в магазин за покупками. Она побежала к пожарным и закричала: «Товарищи, пожар! Вы горите!»

Немедленно прозвучало: «Тревога!» Бойцы дружины под предводительством своих начальников выбежали на улицу. Дежурный шофер бросился заводить пожарную машину и вывел ее из гаража. Упругая струя ударила в пламя, но через пять минут вода в цистерне кончилась.

— Тяни рукавную линию к гидранту! — раздался приказ.

Вы бы не успели, наверное, сосчитать и до десяти, как брезентовые рукава потянулись от гидранта к месту пожара. Не страшась бушующего пламени, один из бойцов в упор наставил в огонь медный наконечник... Но брандспойт тихо сказал «буль-буль» и замолчал.

Увидя из окна, что пламя все разгорается, дежурный помощник начальника караула Лидия Васильевна Шпакова тоже не растерялась и стала вызывать по телефону пожарную команду Пролетарского района, которая находилась неподалеку.

А надо сказать, что в дежурном помещении пожарной части был только внутренний, железнодорожный, телефон. Чтобы соединиться с городом, нужно сначала набрать цифру «8».

Лидия Васильевна быстро крутнула диск и услышала в трубке частые гудки: «Ту-ту-ту»...

Так она крутила диск 15 минут.

Представляете? Крутит она диск и видит в окно, что пламя уже охватило весь сарай...

Но и здесь Лидия Васильевна нашла выход: она срочно вызвала Москву, и из столицы ей сразу ответили: «К вам выходит пожарный поезд».

После этого Шпакова еще раз набрала цифру восемь и — представьте — сразу соединилась с городом, а затем и с пожарной командой.

И вскоре во двор въехали три огромных красных машины, загудел на железнодорожных путях специальный поезд.

В пять минут все головешки — остатки сарая — были потушены. Только горький дым долго еще стлался над местом происшествия. Когда он рассеялся, сотрудники команды увидели, что все обошлось благополучно, если не считать обгоревшей пожарной машины, стоявшей у сарая, и сторожевой собаки Сольды, задохнувшейся в конуре.

Вот до чего могут довести детские шалости с огнем!

Б. ПРОТОПОПОВ.

ОТ КРОКОДИЛА. В тот момент, когда верстался этот номер, пришло экстренное сообщение. Читатели с грустью уведомляли редакцию о том, что в г. Прокопьевске, Кемеровской области, в самом центре, на проспекте Шахтеров, сгорел дом, в котором жили пожарники.

Причины все те же: когда в девять часов вечера занялся огонь, выяснилось, что ни в одной из пожарных машин не было воды. Впрочем, не было также и приспособлений для набора воды. Движение транспорта по этой центральной улице было остановлено до часу ночи, но и это не помогло.

И тогда пожарные машины громко загудели. Но гудками, как известно, огонь не затушить. В чем все вскоре и убедились, горестно глядя на головешки.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Анатоль ПОТЕМКОВСКИЙ (Польша)

Примирение

Последнее время пан Бжуска стал кланяться мне очень холодно.

А однажды вообще перестал.

Завидев меня, он отвернулся и прошел мимо, демонстративно разглядывая на витрине разные культтовары.

В принципе это не имело для меня решающего значения, но возбуждало любопытство. Я прошел всего несколько метров, как вдруг услышал за собой торопливые шаги. Пан Бжуска догнал меня. Физиономия у него была постная.

— Поговорим, как мужчины! — сказал он. Однако в этом предложении не было и тени сердечности.

— Поговорим,— согласился я. Неподалеку находился бар «Электрик».

— Пол-литра, — заказал пан Бжуска,— и пирожные «наполеон».

— С утра? — удивился я.

— Пирожное как пирожное,— сказал пан Бжуска.— Вы не любите сладостей?

— Как когда...

Пан Бжуска приступил к основной теме:

— Речь вот о чем. В Польше тридцать миллионов жителей.

— Немного больше,— сказал я.

— Тем паче. В Польше более тридцати миллионов жителей, а вы прицепились именно ко мне.

— Я?

— Да, вы! И не будем продолжать в таком тоне. Вы человек интеллигентный.

— Да,— согласился я.

Пан Бжуска налил по сто граммов.

— Вы написали фельетон об алкоголике,— сказал он.— Написали или нет? Или это мне показалось?

— Написал.

— Вы написали фельетон о типе, который улаживает дела просителей, если только ему дают на лапу?

— Не помню,— сказал я.

— Но зато я помню,— сказал пан Бжуска с горечью.— И про начальника, который домогается любви своей секретарши, вы тоже писали, не правда ли?

— У вас есть секретарша? — удивился я.

— Не притворяйтесь ребенком! — рассердился пан Бжуска.— Это шито белыми нитками. Вы написали о секретарше, но каждому понятно, что речь идет об уборщице...

— Выпьем,— предложил я.

Мы выпили по стопке.

— Какого черта вы ко мне прицепились?! — спросил пан Бжуска.— Или у вас нет других тем? А фельетон о жене, которой ее муж тычет кулаком в физиономию? Кому это нужно?..

На следующей неделе я написал юмореску о круглом идиоте, который, впрочем, не берет взяток, не пристает к секретарше, не бьет свою жену и не пьет водку.

Теперь пан Бжуска снова здоровается со мной с прежней сердечностью

Перевел Л. НАУМОВ.

«Лудаш мати», Венгрия.

Гансгеорг ШТЕНГЕЛЬ (ГДР)

ЭПИГРАММЫ

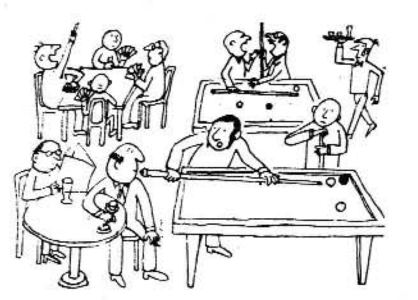
ТАК ДЕРЖАТЬ!

Не бегай, человече,
От правила такого:
Держи
Не только речи,
Держи
Порой и слово.

СРАЗУ ВИДНО

Ни у кого сомненья нет,
Что Кранц —
Не истинный поэт:
Ведь понимает каждый сразу
В его стихах
Любую фразу!

Перевел Ник. ЭНТЕЛИС.

— Нагнитесь, пожалуйста! Не ждать же мне, пока вы откроете рот!

«Дикобраз», Чехословакия.

— Мсье, не отнимайте мои права, у меня там такая удачная фотография!

«Пари-матч», Франция.

Врач: — И помните, самый большой ваш враг — алкоголь.

Пациент: — Доктор, но не хотите же вы, чтобы я выглядел перед ним трусом.

●

Приезжая дама в гостинице заявила портье:

— Думаете, если я из провинции, то соглашусь жить в этой маленькой и тесной комнатке? Ни за что!

— Успокойтесь, сударыня, вы слишком торопитесь! Ведь это всего только лифт.

●

Разговор двух скупцов.

— Джек, одолжи мне коробку спичек.

— Нет, больше тебе не удастся этот трюк.

— Какой трюк?

— Каждый раз, когда я тебе одалживаю коробку, ты ее возвращаешь без одной спички.

Официант: — Я очень сожалею, но этот столик занят.

Клиент: — Это не имеет никакого значения, мой друг. Вынесите его в соседний зал и замените другим, который не занят!

●

Мать рассказывает своему сыну:

— Перино вел себя плохо, и волк его съел. А если бы Перино вел себя хорошо, что бы случилось?

Сын: — Волк все равно съел бы его, но с бо́льшим удовольствием!

— Скажите, пожалуйста, за сколько вы продаете этого прекрасного попугая?

— Это мой лучший экземпляр, и я его обожаю. Однако он очень расчетлив, и было бы лучше, если бы вы обсудили цену непосредственно с ним.

●

— Возмутительно! Ваша собака съела моего цыпленка!

— Спасибо, что предупредили. Сегодня она не получит ужина.

— Страшно приятно было поболтать с тобой, дорогая!

«Панч», Англия.

Васил ЦОНЕВ (Болгария)

Злоключения птицелюба Теоклимена

В древних Афинах шло очередное заседание старейшин.

Было так жарко, что все старейшины вместе с председателем дремали и старались только не зевать громко. Лица у них при этом были такими серьезными, что человек со стороны мог подумать, будто они решают бог знает какие важные вопросы. На самом же деле они мучились, стараясь припомнить что-либо достойное обсуждения, но никак не могли: персы вели себя тихо вот уже два года, а граждане республики регулярно платили налоги и издевались над рабами ровно столько, сколько принято.

Неожиданно именно в тот момент, когда председатель уже раскрыл было рот, чтобы поставить на обсуждение вопрос о том, почему бриз дует с моря на сушу, а не наоборот, в поле его зрения попал шедший по площади Теоклимен-птицелюб.

В другой раз никто не обратил бы на него внимания, но при таком бестемье это появление оказалось кстати.

Председатель набрал побольше воздуху, тряхнул головой и сказал:

— Старейшины, Теоклимен стал просто невыносим!

Сначала старейшины раскрыли рты от удивления: кроткий Теоклимен — и вдруг невыносим? Однако они сделали вид, что и сами давно так думали.

— Теоклимен, о старейшины! — повысил голос председатель, судорожно соображая, что бы сказать.— Да, Теоклимен угрожает нашей демократии!

Вопрошающие взгляды старейшин были прикованы к председателю.

— Он берет взятки! — крикнул председатель.

Первый старейшина даже подскочил на месте, потому что все знали, что он сам берет взятки, но тут же сказал:

— Берет, негодяй!

— Кроме того, — продолжал председатель, переводя взгляд на второго старейшину,— он поддерживает связи с персами!

То, что второй старейшина якшается с врагами Афин, ни для кого не было тайной. Поэтому он с готовностью воскликнул:

— Долой подлеца!

— Мы не должны забывать также, — продолжал председатель, пристально глядя на третьего старейшину,— должны помнить и то, что...

— Он продавал дырявые корабли флоту отечества! — сразу откликнулся третий старейшина.

Поняв тактику предыдущего оратора, четвертый крикнул:

— Он скверно обращается с рабами!

— Он торговал гнилым маслом! — пропищал пятый.

— И, кроме того,— в один голос сказали все пятеро, в упор глядя на председателя,— он обворовывал государственную казну!

— Вот именно! Предлагаю его обезглавить,— подытожил председатель.

Еще не дошедшего до конца площади Теоклимена схватила стража, и, прежде чем он успел понять, в чем дело, голова птицелюба слетела с плеч.

Его смерть подействовала на старейшин отрезвляюще. И, можно сказать, охлаждающе. Любой из них представил себя на его месте. Им стало грустно.

— В сущности,— сказал первый старейшина,— хоть он и брал взятки, но был все же отличный афинянин.

— А кто не поддерживает тех или иных связей с персами? — добавил второй.— Если не считать этой маленькой слабости, нужно признать, что никто лучше его во всей Древней Элладе не мог предсказывать будущее по внутренностям птиц!

— А как хорошо он относился к жене, детям и рабам своим! — вздохнул третий.

— А как любезно здоровался с каждым! — покачал головой четвертый.

— И как умно высказывался на собраниях! — сказал пятый.

— Вообще он был образцом примерного афинянина! — сокрушенно заключил председатель.

Все печально опустили головы.

Первым поднял голову председатель и с приветливым лицом предложил:

— Давайте объявим его почетным гражданином Афин и воздвигнем его бюст посреди центральной площади.

— Принято! — в один голос сказали старейшины.

И на другой же день известнейшие ваятели Мирон и Поликлет сотворили из мрамора, золота и серебра огромную статую «Великому Теоклимену, самому лучшему прорицателю и птицелюбу всех времен», как гласила высеченная на мраморном пьедестале надпись.

А, по сути дела, Теоклимен был не так плох, как о нем говорили, обвиняя, и не так хорош, как его превозносили теперь. Он был самым обыкновенным человеком, И весь его грех состоял только в том, что он прошел мимо начальства, у которого в тот момент не было другой темы для обсуждения.

Перевел Г. КОФМАН.

КРОКОДИЛ

№ 34 (2116)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Битный, М. Вайсборд, Г. и В. Караваевы, Кукрыниксы, В. Мохов, В. Мочалов, В. Сафонов, Ю. Степанов, Ю. Узбяков, В. Шкарбан.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор
Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 15/XI 1974 г. А 00883. Подписано к печати 27/XI 1974 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 550 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 293 400). Изд. № 2739. Заказ № 3060.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.